

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Фэндом: Торчвуд

Автор: Смолка

Бета: ReNne

Гамма: Dianorah

Пэйринг: Джек/Янто

Рейтинг: NC-17

Примечания: действие происходит между 2.01 и 2.06.

Предупреждение: многие события и трактовка характеров основаны исключительно на домыслах автора. Возможен ООС.

Джек достал сумку из багажника, демонстративно взвесил нашу поклажу в руке и склонился к моему уху. Вид у босса при этом был такой, словно он собирается раскрыть мне главную оперативную тайну поездки, а быть может, и главную тайну Вселенной, ну, на худой конец – поведать, как наш весьма специфический багаж без проблем миновал таможню. Впрочем, последнее я знал и без подсказок. Тош упаковала детектор Брауна в свое ноу-хау – оказывается, если обычный целлофан обработать особым способом, то он не пропускает даже рентгеновские лучи. Таможенники ничего не заметили. Джек прав, когда говорит, что Тош гений. В общем-то он всем сотрудникам хотя бы по разу сообщил о наличии у них высочайшего интеллекта и творческих способностей. Особенно часто он повторял это Сюзи, хм. Джек скор на комплименты, это правда. Просто каждая его похвала – вроде того кошелька на веревочке... никогда не знаешь, в какой момент вырвется из рук.

Мой босс улыбался – криво, только одной стороной лица, и глаза были шальными. Опасными. А голос – ну точно у Дэниэла Крейга, когда он повторяет знаменитое: «Бонд. Джеймс Бонд». Если уж сравнивать всех Бондов, то Крейг меньше других тянет на классика английского разведчика, как и Джек Харкнесс – на звание... человека.

– Мы проведем ночь в отеле, – таким шепотом, точно за нашими спинами выстроилась рота пришельцев с автоматами и мы обсуждаем план побега, – Янто, понимаешь? Номер на двоих. И никого, кроме нас, всю ночь. Всю долгую ночь в городе Орлеане.

Он отстраняется, все еще ухмыляясь, и сердце молотит глухо – раз двадцать. Нет, тридцать. Я смотрю на него. На белый ворот футболки, которую он всегда надевает под рубашку. А мне сказал как-то, как замечательно, что я такого не делаю и можно, расстегнув пуговицы, дотронуться... до меня.

– Да, сэр? – цепкий взгляд после обращения. Вот это уже моя игра, Джек Харкнесс. Хватит тебе того, что любоваться футболкой я долго не могу и, точно ожегшись, отвожу глаза, когда в поле зрения попадает чуть тронутая загаром вмятинка под подбородком. – Только мы и город Орлеан? А еще Тош с Гвен на связи и наш инопланетный беглец, а еще...

– Твой сарказм не испортит мне настроения, – он всучивает мне сумку, смотрит снизу вверх, прикрыв глаза ресницами, потом засовывает руки в карманы, откидывая полы шинели, – в этом городе, как говорят, смягчилась даже суровая Дева. Очевидно, воздух Орлеана и его ночей – да, его ночей, Янто! – так повлиял на Жанну, что она засомневалась относительно своей девственности...

– А вы были там, сэр, и все видели? – нет, я не злюсь на него, не пытаюсь задеть. Джека трудно по-настоящему зацепить, и не мне хвастаться таким достижением. Просто я защищаю свое. Самого себя.

– Нет, – все так же смотрит на меня из-под ресниц, точно изучая, – но я был здесь в сорок пятом, и поверь, не в самом радужном настроении. Орлеан вылечил меня от хандры за одни сутки, и я собираюсь устроить такую же процедуру для тебя.

Он делает шаг назад, бросает коротко:

– Вначале – к Изабелле Даво, потом – в отель «Меркюр». Ты еще не видел настоящих французских отелей, Янто!

И идет впереди меня к выходу из крытой автостоянки, к никелированным стойкам, к крутящимся дверям, к Орлеану, – высокий, уверенный, и полы шинели подхватывает теплый французский ветер. А я невольно распрямляю плечи, хотя сделать это с тяжелой сумкой в руках не так-то просто, и иду за ним. Почему он выбрал меня?

Мы отправились в Орлеан вовсе не развлекаться, и Джек без устали твердил в самолете, насколько опасным может быть нынешний случай. Строго говоря, за полтора часа полета из Кардиффа в Париж, а потом на скоростной трассе Париж – Орлеан он едва ли произнес больше двух фраз не о работе – разве, когда стюардесса подала кофе: «Даже не сравнить с твоим, Янто». И еще, когда похвалил мой внешний вид: «Ты и на борту пикирующего бомбардировщика будешь выглядеть безупречно», – и легкая, бесшабашная улыбка. Или, когда я напомнил ему, что скоростная трасса обойдется нам в лишние сорок евро. Босс в ответ сообщил мне о вреде излишних подсчетов в столь юном возрасте: «Мы во Франции, Янто! Молодость, красота, деньги – у тебя есть все, чтобы развлечься». Но Джек был строг, и наставления полились вновь. С чего бы это он теперь завел разговор о ночах Орлеана и о девственности Жанны? В нашем общем номере будет некому терять, хм, невинность. Оуэн называет такие штучки «корпоративной тактикой», но я думаю, это нечто большее. Тактика Джека Харкнесса. Он всегда ведет себя так, если не добился желаемого. Нежданные нападения и мгновенные отступления, если оборона противника слишком крепка. Я сотни раз видел, как он проделывает такое с задержанными. Пока Джек кружит вокруг да около, можно расслабиться, но беда в том, что, когда он ударит всерьез, спастись будет поздно. Но может случиться и так, что он сочтет меня недостойным финального удара. Отступится, как отступился от Гвен, а ведь он мог устроить так, чтобы в орлеанском отеле именно она провела с ним ночь.

– Это тот самый собор, где был коронован сын Гуго Капета? – такси притормаживает возле высоких желтых от времени арок, и, запрокинув голову, я вижу, как солнце играет на серо-синих крышах. Цвет выходит, ну точно как глаза Джека, когда у того настроение хорошее.

– Уи, мсьё. Жё консей а мсьё дё пассе тут ля журне пур визите ля Катедраль Сент-Круа. Промне-ву анкор дан ля рю Руаяль э сюр ля Пляс дю Мартруа, ву нё рёгретре па. Сэтюн врэ ансьенёте, ву наве па вю сёла¹, – бессовестный водитель станет нарочно

¹ *Oui, monsieur. Je conseille à monsieur de passer toute la journée pour visiter la Cathédrale Sainte-Croix. Promenez-vous encore dans la rue Royale et sur la Place du Martroi, vous ne regretterez pas. C'est une vraie*

говорить по-французски, он ведь уже понял, что мы островитяне. Хотя, быть может, он поддразнивает не меня, а Джека – с его американским акцентом никогда не знаешь, какотреагируют люди. Некоторые ненавидят американцев, некоторые им завидуют, и это создает проблемы в равной степени. Счастливы. Они могут заморачиваться из-за таких мелочей.

У водителя даже затылок выражает готовность переиграть Столетнюю войну, а я ничего не могу с собой поделать – с веселой беспомощностью оглядываюсь на Джека. Он знает французский, как-то слышал, как Джек целый час трепался с каким-то французом, и я не пропустил ни единого слова, хотя почти ничего и не понял. Просто вслушивался в интонации. Это было еще до того, как Лиза... Зачем я подслушивал? Мне нужно было знать, есть ли у Джека еще кто-нибудь, кроме влезшего к нему в постель секретаря. А теперь мне хочется, чтобы Джек уделал водителя, смешно.

– Как насчет Дома авиаторов, мсье? – Джек ухмыляется и щурится довольно. – Хотелось бы посмотреть на пристанище доблестных английских летчиков, которые спасли ваш город. Дирье-ву у са?²

Водитель раздраженно хмыкает, а мы переглядываемся, и хочется рассмеяться. Но глаза Джека холодные, внимательные – дергается из-за дела с мошенником. Когда этот тип, у которого из носа текла зеленая пакость, хотя больше ничем он от человека не отличался, удрали от нас, Джека будто подменили. Мы хорошо знаем, отчего наш босс меняется вот так – значит, дело опасное. С той минуты, как тот пройдоха покинул нашу базу возле Миллениум-Центра, Джек начал разговаривать почти исключительно в приказном тоне, и мы погрузились в работу. Лично меня босс заставил выучить все о култе вуду, а потом экзаменовал по всем этим запутанным церемониям. А еще мне пришлось копаться в архивах, и в данных Торчвуда за 1933 год я нашел такие сведения об Изабелле Даво, что Тошико, Оуэн и Гвен мне просто не поверили. А вот Джек сказал, что тогда дело было закрыто из-за недостатка доказательств и за Изабеллой тянется длинный хвост. Еще бы, раз в тридцать третьем Изабелла выглядела ровно так же, как и сейчас! Через час мы увидим эту... бессмертную мадам. Черт! Вероятно, им с Джеком будет о чем поговорить.

Такси ныряет в лабиринт улочек – ничего особенного, Кардифф тоже славится стариной. И я просто не могу смотреть по сторонам, вообще не могу ни на что отвлекаться. Внутри меня точно стальная пружина, и она сжимается все сильнее. До исчезновения Джека казалось, будто пружина ослабла и боль ушла, но нет. Мы поговорили, я целовал его в пустом офисе, потом... «Я вернулся к тебе. Ко всем вам». Да, Джек? Лучше думать о том типе с зелеными соплями. Гвен и Джек схватили его у развлекательно центра в три часа ночи, а к рассвету мошенник залил слизью всю базу. Джек назвал типчика Гроу Бло и после допроса – уже по пути на ранний завтрак – объяснил мне, отчего в «старые времена» торговцам всяческими артефактами давали такое прозвище. «Старые времена» означали «когда работал мой браслет», и я слушал очень внимательно. Облавы на Гроу Бло, совместные рейды с тем человеком... Джоном Хартом. Не могу избавиться от

ancienneté, vous n'avez pas vu cela. (фр.) – Да, мсье. Советую мсье потратить на посещение собора Сент-Круа весь день. И сходите на Королевскую улицу и площадь Мартруа, не пожалеете. Настоящая старина, вы такого и не видали.

La Cathédrale Sainte-Croix – собор Сент-Круа – собор Святого Креста. В декабре 987 г. (в Рождество) Гуго Капет торжественно короновал в кафедральном соборе Святого Креста своего сына Роберта, будущего короля Роберта II Благочестивого, которому в то время исполнилось 15 лет. Сам Гуго был коронован 3 июля 987 г. в Реймсе.

² *Diriez-vous où ça?..* (фр.) – Не подскажете?..

ненависти к нему. Не могу. Нелепо. Я дергаюсь на сидении, и Джек, улыбаясь, поворачивается ко мне. И я отвожу глаза, крепче сжимая ручки увесистой сумки.

Гвен прострелила типу по прозвищу Гроу Бло плечо, и задержанный очень напирал на это обстоятельство, взывая к какой-то Теневой Прокламации, а Джек над ним издевался. Жулик тряс короткими грязными волосами, шмыгал своим зеленым острым носиком и наотрез отказался говорить, где берет свои «побрякушки» и кому сбывает на Земле. Мы провозились с ним до рассвета, а пока ходили завтракать, Гроу Бло сбежал из-под носа оставшегося в офисе Оуэна. Просто просочился сквозь стены, когда распалась маскировочная человеческая оболочка, – Оуэн выдвинул такую гипотезу, сделав анализ слизи мошенника. Мне показалось, Оуэн нервничал из-за того, что упустил задержанного, и думал, будто Джек опять его обвинит. Нервничал и потому дерзил. Но Джек не сказал ему ни слова упрека, заперся у себя, а потом вызвал меня, Гвен и Тош, велел искать француженку Изабеллу. Пока мы рылись в базе данных, Оуэн все время задирает меня, как он один умеет. Подколки, шуточки. Наконец я сказал ему, что Джек, вероятно, не считает побег Гроу Бло ошибкой исключительно Оуэна Харпера, иначе не стал бы держать камень за пазухой – сразу бы все выложил... Мы все до сих пор не в порядке из-за того, что случилось. Я не в порядке. Вижу опять, как Оуэн сканирует сетчатку мертвых, широко раскрытых глаз, слышу, как сам диктую Гвен код разлома – код, который я... украл. Мы с Оуэном украли, рылись в записях Джека. Уверен, именно это его тогда и взбесило. Если бы меня спросили, отчего я не остановился, отчего зашел в предательстве так далеко, можно многое было бы придумать. Массу очень правильных и подходящих объяснений. Но на самом деле коллеги казались мне близкими и настоящими, а существо в светлой рубашке и пистолетом в руке, вывернувшее наши мерзкие тайны наизнанку, – нет. Чудовище. В самом начале я долго не мог подобрать подходящее слово, и только приказ убить Лизу расставил все по своим местам, и я заорал это Джеку в лицо: «Чудовище!» И что ему было до того, что люди погибнут, если не открыть разлом? Джек не человек. Не совсем человек, его нельзя мерить нашими мерками, а Гвен, Тош и Оуэна я хотя бы понимал. Они боялись, хотели жить и потому были способны на что угодно, а Джек стоял тогда перед нами – ледяная ярость в глазах, в каждой фразе желание задеть насмерть, будто его меньше всего волновал разлом и гибель мира, просто хотелось отплатить нам, копавшимся в его вещах, посмевающим не выполнять его приказы.

Водитель молчит, видно, решил больше не подставляться, Джек смотрит в окно, а такси медленно едет под густой сетью ветвей. Здесь нет пробок, просто в старом городе нельзя ехать быстро, да и дорога такая узкая. По бокам яркие магазинчики под черепичными крышами. Изабелла Даво живет возле моста, на той стороне Луары, и держит ресторан. Колдунья-ресторатор – чего только не увидишь, работая в Торчвуде. Раньше это так завораживало. Уникальная работа – пусть в Лондоне я всего лишь перебирал бумажки! – хорошая зарплата. И Лиза. Ее искрящаяся радость, венок, который она надела мне на голову, когда мы как-то гуляли в субботу в парке, сбежав от начальника отдела аналитики. А Лиза наврала что-то в своем отделе кадров, и мы пошли в парк, сидели на траве... как странно, теперь я почти ничего не помню. Будто провалы – огромные, черные. Я никогда не отважусь заглянуть вновь в некоторые из них... Солнце пробивается сквозь ветви, Джек прикрывает лицо ладонью. Дотянуться и задернуть штормку?... Ему ведь мешает слишком яркий свет. Но я не двигаюсь. Все слишком странно, вновь непонятно и... подвешено на тонких ниточках. Я так ясно увидел, в чем беда, когда Оуэн выстрелил в Джека, а во мне ничто не дрогнуло. Ни с кем в Торчвуде я не был так близок, как с ним, и вот его убили на моих глазах, причинили боль, а мне было все равно. Провал. Полный паралич эмоций. Торчвуд умеет проделывать такое с людьми. Однажды случается нечто, и ты больше уже не живешь, хоть и надеваешь утром свежую рубашку,

съедаешь поджаренные ломтики бекона, запивая их крепким кофе, идешь на работу, говоришь с людьми, – но ты труп. Торчвуд убивал меня не однажды. Торчвуд и воскресил.

Оказаться одним из двадцати семи выживших после бойни киборгов, сделать все, чтобы попасть в Торчвуд-3, получить доступ к оборудованию для Лизы. Тогда мне было совершенно безразлично, какие вещи я должен для этого совершить. Мне было известно, что Джек Харкнесс не терпит унылых зануд, и потому я смеялся и шутил, отвечал на заигрывания, хотя, быть может, это я первый начал, когда свалился на будущего босса в том ангаре. Яркой вспышкой в памяти – сильное тело подо мной. Запах свободы, южного морского ветра и секса. А потом вновь милосердная амнезия. Через месяц или около того я, Янто Джонс, стою перед зеркалом в служебном туалете и с маниакальной тщательностью мою руки. У меня красные, зараженные безумием глаза. Вновь хватаю флакон с жидким мылом и тру саднящую кожу. Не могу позволить себе прикоснуться к Лизе ладонями, которые только что ласкали мужчину. Хорошо, что Джек уже уехал, он не увидит меня сейчас, не догадается. Спускаюсь вниз. Лиза спит. Я сажусь на стул возле ее механического ложа, смотрю на полные темно-розовые губы – она такая чистая, такая красивая. Моя Лиза. Она жива, и это важнее всего. Я стараюсь дышать глубже, но голова все равно омерзительно кружится. Меня тошнит от собственной низости, но мысль о причине не оформляется. Я занимался сексом с женщиной. Ну и что? Чем это хуже того, что я уже делал? Если Лизу найдут, педерастия окажется наименьшей из моих проблем. И память отзывается послушно, опускает щиты. Тем более, ничего такого и не было – тогда. Уверенный смешок Джека в почти полной темноте – только датчики системы наблюдений горят желтым, – его руки на моих плечах, на талии, тербят пряжку ремня. Я лишь стараюсь подражать ему – я должен удержаться здесь любой ценой! Но у меня и с девушками немного опыта, и больше всего я боюсь, что Джек заметит мое неумение и задаст себе вопрос, зачем его секретарю подобные игры. Потому я почти остервенело дергаю его за ремень, выдираю рубашку из брюк, изображая страсть, стараясь не думать о том, как он сейчас повалит меня животом на стол, как показывают в гей-порно. А когда этого не происходит, я просто тупо удивляюсь. И повторяю движения Джека – вверх-вниз, ладонь скользит по твердому, теплomu... его и моя ладонь, и я вдыхаю запах морской соли и безграничной свободы, кончая от этого. «Давно никого не было, Янто? Если захочешь, можем повторить». Я стою перед ним, опустив испачканную ладонь, и улыбаюсь резиновой улыбкой.

Мы повторили, и в тот вечер мне казалось – я ненавижу своего босса. До встречи с ним я был цельным. Одна цель, ясная и единственно возможная, но Джек что-то сделал со мной, будто ударом кулака пробив невидимую трещину в броне. И я впервые подумал, что сошел с ума и ничего не выйдет. Лиза умрет. Я напутаю с дозировкой снотворного, перестав соображать от вида ее боли, или не смогу найти специалиста, который согласится лечить это... то, что с ней творилось. Тогда я был удивительно наивен. Джек лишил меня иллюзий. Самой страшной участью мне казалась смерть Лизы на чертовом механическом одре, в корчах и столах. Если бы я только мог рассказать Джеку, он поведал бы мне, что может получиться куда беспощадней. Но у капитана Харкнесса такой равнодушный вид – вот прямо как сейчас, когда он сидит в такси, смотрит в окно, хмурится и молчит. За почти два года знакомства с ним я успел понять, что самые жуткие вещи он делает, смеясь и шутя. Улыбающийся Джек опасней серьезного. Тогда мы потеряли долгоносика на углу Далкросс, и мчались по Доналд, пытаясь его отследить. Я вертел головой, чуть не подпрыгивая на сидении. Ведь так должен вести себя честолобивый новичок, всеми правдами и неправдами выдравший у сурового капитана должность мальчика на побегушках? Мальчику соизволили дать шанс выдвинуться, взяв на охоту, – будь добр, соответствуй. На самом деле я думал о Лизе. Тогда я постоянно о

ней думал – неотступно, с окаменевшей решимостью добиться своего. Ничего другого мне и не оставалось.

Долгоносик исчез с радара Тош перед магазином детской одежды. После мы выяснили, как вывалившийся из разлома пришелец смог спрятаться. Спустился в канализацию, и стены создали ему временный экран, следящий сигнал не мог пробиться. Проверив все закоулки на Доналд, мы шли по мокрым от дождя плитам, и Джек высмеивал современные методы слежки за пришельцами: «Представь, что раньше их ловили просто с помощью кулаков и языка. Хорошее было время». Короткий, оценивающий взгляд снизу вверх на меня, вспотевшего и встрепанного. «Языка, сэр?» – «Ну да, падаешь долгоносику на хвост и начинаешь его кадрить. Они такие неприкаянные, знаешь, у некоторых есть нечто эдакое... аура одиночества. Тянутся на ласку, тут ты их и хватаешь». Оуэн после подобной тирады непременно прошелся бы насчет странного прошлого и извращенных предпочтений капитана Харкнесса, а я промолчал. Начальство изволит шутить. И совершенно без перехода Джек тянет насмешливо: «В костюме ты такой трогательный. Если б ты на наши первые встречи догадался надеть пиджак и галстук, я взял бы тебя быстрее. На работу, Янто, не стоит так серьезно все воспринимать. Просто в куртке и джинсах ты был похож на малолетнего преступника, потерявшего свою банду, а это не мой типаж». Эффектным жестом Джек распахивает дверцу нашей машины и пускает меня на заднее сидение, сам устраивается рядом. Запах дождя, прелой земли и запах Джека. Я стараюсь не дышать, иначе всего слишком много, не справлюсь. Минуту мы молчим в темноте, а потом я, стискивая зубы, кладу ему руку на колено. И отчаянно боюсь ошибиться. Весь этот харассмент вполне может оказаться обычной шуточкой, временным заскоком, но ведь ни с Оуэном, ни со Сьюзи, ни с Тошико капитан так себя не ведет. Мне почти хочется сказать ему: трахни уже меня, наконец! Трахни и дай большую свободу действий. У меня было чувство, что Джек постоянно следит за мной, что он единственный догадывается, какие тайны скрываются в подвале. А еще – он взял меня на охоту намеренно. Хотел что-то выведать, разговорить, или просто хотел. Моя ладонь лежит на его колене, и вот он прижимает ее своей. Медленно и совсем не грубо. И у меня встает только от этого жеста.

«Мотель или поедem к тебе?» Я не могу привести Джека в свою квартиру, там повсюду снимки Лизы, никак не мог их убрать, потому пересохшими губами я выдавливаю: «Мотель». Джеку нравится мое согласие, он наклоняется ко мне, запах отчаянной вседозволенности и морского ветра делается таким острым, что я задыхаюсь. Будто на тебя обрушился весь Бристольский залив. Мы целуемся, трогаем друг друга, и я едва соображаю, что именно сейчас происходит. А потом будто нарезка кадров: аптека, куда Джек пошел один, портье довольно дорогого отеля «Парк-Плаза», протягивающий мне ключи, длинный коридор, двери светлого дерева. Брошенная в кресло шинель, шум воды в ванной. Когда он выходит оттуда обнаженным, я все еще стою посередине комнаты, полностью одетый, и наверняка вид у меня дурацкий, потому что босс начинает смеяться: «Янто, я знаю, как это бывает. Прекрати трястись за свою задницу. Ну?» О, Джек Харкнесс, разумеется, знает все на свете! Отчего меня так бесит то, что ему, в сущности, плевать? Это видно по глазам, в них нет ничего, кроме готовности развлечься и едва уловимого, но явного превосходства. Джек смотрит так на всех, и не поймешь, для чего ему это проклятая работа, сжирающая жизни, наш замечательный Торчвуд, если он настолько равнодушен? Стал бы политиком! И безопасно и просто при его-то харизме.

Он делает шаг ко мне, кладет руки на плечи. «Сейчас я тебе кое-что скажу, надеюсь, это вылечит твой страх. С кем ты впервые занялся любовью, Янто? С мужчиной или женщиной?» Я отвечаю правду, кажется, чуть ли не первый правдивый ответ администратора Торчвуда-3 своему боссу: «С женщиной». И мне тут же хочется откусить

себе язык, потому что я вспоминаю, как это было, и Лиза, моя чудесная Лиза, встает передо мной. Ей здесь не место. Я даже никогда не расскажу ей, что был вынужден делать, чтобы она жила. «А я не помню с кем. Но, должно быть, тоже с женщиной, потому как до меня долго доходило, что мне нравится сильнее всего, – Джек склоняется еще ближе, шепчет в ухо и его голос, заключенный в словах смысл, лупит меня, точно дубиной по голове. – Лечь и получать удовольствие. Ты мне дашь это, Янто». Я открываю рот, от потрясения не зная, что сказать. Наверное, уже тогда я понял, какого рода игры во власть нравятся Джеку больше всего. Такие, чтобы жертву не нужно было гнуть и ломать, а она бы сама лезла в капкан, радостно помахивая хвостом. У меня колотится сердце и немеют ладони, когда мы ложимся в постель. Босс точно знал, как нужно говорить со мной и как себя вести. Он отдал мне инициативу без малейшей борьбы, иначе, вероятно, вообще ничего бы не вышло. Сейчас я не хочу даже помнить ту ночь – мне страшно. Вдруг обман повторится, только теперь обманывают меня? И память охотно идет мне навстречу, моя трусливая память. Я оглядываюсь на Джека украдкой – по его лицу скользят тени орлеанских улиц, а пальцы барабнят по стеклу. Что помнит он о тех временах? Я – лишь то, как Джек коротко сжал мое бедро, когда я вошел в него, – подбадривая? – а потом подхватил себя под колени, запрокинул голову, чуть отвернувшись. Я ни черта не мог поделаться с собой, был как пьяный... и его красота оглушала меня. Подо мной, раскрывшийся и максимально уязвимый, Джек был... Я ведь не видел его раньше таким, и, должно быть, во всем виноват контраст. Моя броня трещала по швам, и, лежа рядом с ним на белоснежных простынях отеля, я едва не проболтался. Джек подул на свою пушистую челку, убирая мешавшие прядки со лба. А потом ожил коммуникатор, небрежно брошенный в куче одежды, и иллюзия разбилась. Сьюзи сказала сердито: «Джек, четвертый час утра, долго мне еще вас ждать?» Мой босс поднялся легко, сел, расправив плечи, – я паялся в его голую спину. «Сьюзи, прекрати зевать и проверь, не появился ли сигнал, – он забыл обо мне, я его не интересовал больше. Не оборачиваясь, Джек кинул мне коммуникатор. – Заметь координаты, я – в душ».

Долгоносик выбрался на поверхность километрах в трех от того места, где мы его потеряли, и рассвет уже окрасил рыжим крышу Миллениум-Центра, когда мы волокли нашу «спящую красавицу», даже в забытии щелкавшую мощными челюстями, на базу. Джек держал долгоносика за плечи, я – за ноги. Показательный финал интимной встречи работников Торчвуда. Отчего-то мне вспомнилось, как Джек вывернулся на Сьюзи – та однажды разрядила в подземного обитателя обойму: «Никогда так не делай. Убивая без необходимости, очень легко превращаешься в монстра». Я уже многое слышал о капитане Харкнесе, но тогда еще не видел, как умеет убивать он сам. Мы водворили долгоносика в камеру, Сьюзи ушла домой, а Джек завалился спать. Сквозь стеклянные двери я видел, как он улегся на спину, вздохнул удовлетворенно, закидывая руки за голову. Глава Торчвуда призван спасти жизни. Что если я просто зайду сейчас в тот закуток, который отведен на базе под спальню капитана, сяду рядом и признаюсь во всем? Господи, неужели Джек хуже Ивонн?! Моя прежняя шефиня была слишком честолубивой и поплатилась за это. Мозг судорожно искал зацепку: один взгляд, жест, слово, говоривший о том, что Джек Харкнесс не добьет Янто Джонса и Лизу Халлет. Глава Торчвуда призван спасти землян от инопланетной агрессии – и только так. Лиза и была той самой «инопланетной агрессией», в глубине души я и тогда это знал. Быть может, именно потому, ненавидя Джека, я ненавидел, прежде всего, себя. Только во время ланча на следующий день я смог проведать Лизу. Она не спала, но молчала и лишь смотрела на меня блестящими глазами. Я боялся слишком пристально вглядываться в ее черты – боялся увидеть, что разум уже разрушен вместе с телом. Покормив ее и вколыв снотворное, я сел рядом, уткнувшись лицом в колени. Позорная минута, потому что сейчас я мечтал, чтобы Джек, забыв на базе бумажник с кредитными карточками, вернулся, застав меня на месте преступления. Помоги мне, я больше не могу! Чтобы успокоиться и отвлечься, я стал думать о чем-

нибудь нейтральном, но тут же вскочил, ударив кулаком по подлокотнику кресла. Мне представились приоткрытые в беззвучном стоне твердые губы, напрягающиеся в такт моим движениям мышцы пресса, длинные пальцы, комкающие простыню. И то, как толкнувшись до упора, я задержал дыхание, сиюсь не кончить раньше времени, сопротивляясь жаркой звенящей одури. Всего лишь секс, и, судя по всему, для босса я нечто вроде вибратора. Нечего злиться. Не на что рассчитывать – Джек мне не поможет.

– Джек! – искаженный расстоянием и наушниками голос Тош – будто спасение. Я ведь не хочу ворошить все это, так зачем же?.. У нас впервые все хорошо. «Я вернулся к тебе» – зачем Джеку было врать? Он не обязан отчитываться передо мной! Просто сейчас мы остались по-настоящему вдвоем, до Торчвуда многие мили, и я – как растение, которое вырвали из почвы. – Мы нашли еще одно доказательство появления артефакта Гроу Бло на Земле. Сейчас я перешлю файл.

Джек только кивает, словно бы Тошико может его видеть. Водитель прибавляет скорость, и мы въезжаем в короткий туннель. Скоро Луара и мост, а я опять не могу смотреть по сторонам. Когда-то мы с Лизой мечтали съездить во Францию, и вот я попал сюда с Джеком...

– Пожалуйста, поторопись с дополнительными характеристиками, – Тошико самая деликатная из нас, но таким супервежливым тоном она говорит только с Оуэном. Торчвуд врывается в салон такси, и я вздыхаю. – Джек, доктор Харпер рекомендует мне поставить код безопасности ноль-три. Думаю, перестраховаться никогда не лишнее.

Тошико шутит, невольно подмечая то, что лишь сейчас приходит мне в голову. С чего мы собственно взяли, будто шутовина, которую Гроу Бло не смог уволочь с собой из камеры, опасна? Продолговатая коробка из темного металла, на дне безупречно обработанные шары, три из них немного радиоактивны. Мы подвергли находку всем мыслимым проверкам, но ничего страшного не обнаружили. Может быть, это сжатые и зашифрованные изображения бабушки Гроу Бло, или с помощью шариков он привлекает девушек. А может быть, это атомные заряды. Или смертельно опасный вирус. Мошенник – а мошенник он лишь со слов и предположений Джека! – не причинил никому вреда, ну, если не считать того, что он пытался удрать от Торчвуда, спихнул нашего босса с высоты двух метров и пнул Гвен в коленку. Потом он наставил на них пистолет, но мисс Купер успела выстрелить первой. В сущности, совершенно нормальное поведение для инопланетянина, находящегося в чужом мире незаконно и не желающего попасться в руки отсталых аборигенов. Но это отнюдь не означает, что шутики, сбываемые им на нашей планете, несут угрозу. Вначале Джек довольно легкомысленно отнесся и к коробке с шарами, и к эскападам обладателя зеленой слизи и насторожился, лишь когда мы установили связь мошенника с некой Изабеллой Даво, проживающей в Орлеане, а потом Гроу Бло сбежал, и босс завелся всерьез. Данные Торчвуда от 5 мая 1933 года, стоит признать, давали повод для беспокойства, но все-таки я слишком давно знал Джека, чтобы понять – настоящей причины спешной поездки он нам не поведал.

«Изабелла Даво, предположительно 1902 года рождения. Место рождения: Гаити. Настоящее имя: Доминга Антиб, не замужем, детей нет. Во время «Ночи мертвых» была задержана Торчвудом-Кардифф и отпущена после допроса, так как доказательств ее вины не обнаружено (см. файл «Ночь мертвых»). Практикует вуду. Рекомендуем постоянное наблюдение».

На вопрос, что такое «Ночь мертвых», Джек лишь сухо ответил: «Эти данные погибли вместе с архивом Торчвуда-1», – и я поспешно замолчал. В Торчвуде-1

случилась своя «Ночь мертвецов» – громыхающих железом болванок с выпотрошенным мозгом. Тошико открыла файлы со снимками. В первом не оказалось ничего особенного: моложавая, довольно некрасивая африканка, в таком цветастом платье, что в глазах зарябило. Снимок датировался 33 годом, я добросовестно скопировал его, и тут Тош показала еще один – сделанный уже в 2007-м. Все та же самая Изабелла-Доминга, в строгом деловом костюме, на оживленной улице Орлеана собирается сесть в новенькую «тойоту». Гвен ахнула, Оуэн заметил, что бессмертие и вечная молодость не являются привилегией Джека Харкнесса, и он, Оуэн Харпер, доволен этим обстоятельством, Тош предупреждающе кашлянула, а я проглотил комок в горле. Почему женщина не постарела? Быть может, редчайшая, индивидуальная особенность этой Доминги? Пластическая операция? Гаитянская магия? «Вуду, – хихикнул Оуэн. – Здесь сказано «вести постоянное наблюдение», Джек, а ты выглядишь на редкость удивленным цветущим видом мадам Даво». Джек с трудом оторвался от монитора, порывисто сунул руки в карманы. «За тобой девять несданных отчетов, Оуэн, и ты мне уже полгода обещаешь медицинские параметры мегалодоков. А еще... – Оуэн решил спрятаться в прозекторской, но босс и там его достал: – Между тобой и твоими непосредственными обязанностями, мой милый доктор, не лежит семьдесят лет и мировая война! К нашему отъезду представь-ка мне основания, почему Изабелла могла сохранить молодость. Основания из области биологии и медицины, имею в виду». – «Ты не веришь в магию?» – спросил я, когда мы уже упаковывали детектор Брауна, настроенный на инопланетную активность в спортивную сумку. «Я давно разучился не верить, Янто. Любое дерьмо может когда-нибудь случиться в первый раз. Во время «Ночи мертвых» Англия не верила в зомби, пока ожившие трупы не начали вытаскивать обывателей прямо из кроватей. Мы мало что могли сделать тогда. А уж как трудно было заставить людей все забыть после!»

– Отправляю файл, – Тош понижает голос, – мне жаль, что пока мы нашли только это, Джек. Отключаюсь. И удачной поездки.

Только Тошико может произнести подобное без тени пошлых намеков. Коммуникатор принимает сообщение, и я читаю как всегда аккуратное послание Тош, а потом передаю его Джеку:

«Код безопасности ноль-три. Сообщение оперативного центра Скотланд-Ярда. Великобритания, Йоркшир, Блумсберри, Далтон. В 8.30 утра в полицию поступил вызов от безработного Алана Паркера, постоянно проживающего в Далтоне. Войдя в сарай своих соседей Томпсонов, которым он иногда косит траву на лужайке и подстригает деревья, мр. Паркер обнаружил труп хозяйки, Алисии Томпсон. У женщины не было заметно никаких повреждений, но, по словам мр. Паркера, миссис Томпсон оказалась холодна как лед и не дышала. Когда Паркер склонился над ней, мертвая схватила его за руку и попыталась укусить. Испугавшись, Паркер выбежал из сарая и кинулся в дом. В дверях он столкнулся с детьми Томпсонов – Анисон, одиннадцати лет, и Джерри, девяти лет. Дети напали на мр. Паркера (девочка выкусила мужику кусок ляжки, Джек!), после чего, истекая кровью, мужчина бросился к своему пикапу и направился напрямик в полицию».

– Ого! – Джеку все видно из-за моего плеча и, конечно, он не пропустил живописную ремарку Оуэна, но не отреагировал. Из-за необходимости шептать я почти касаюсь губами его уха, невольно вдыхая запах свободного ветра. – Как это «выкусила кусок ляжки»? Настоящие зомби, как в кино? Не верится.

– Читай дальше, – сухо прерывает меня босс. Куда только делась его игривость?

«Вызванные эксперты МИ-5 двое суток пытались изловить семью мертвецов, после чего подогнали рефрижератор и заперли пострадавших внутри. Главу семьи, Джерри Томпсона, так и не удалось отыскать ни живым, ни мертвым, и он объявлен в розыск. В ходе операции спецслужбисты выпустили в пострадавших в общей сложности тридцать пуль, в том числе в жизненно важные органы, что не дало никакого результата. На месте происшествия найден неизвестный предмет шарообразной формы. Описание предмета прилагается. (Это наш шарик, Джек. Если хочешь знать мое мнение, то никто, кроме зомби, не мог выглядеть так и действовать так, но я не верю в живых мертвецов. Уж слишком классические голливудские признаки. И да, можешь считать меня английским шовинистом)».

– Это и есть профессиональные комментарии Оуэна? – Джек улыбается криво, совсем невесело. – Кажется, Янто, я привез тебя именно туда, куда и думал. В сущий ад. Но программа не меняется, так что выше нос. Говорят, в отеле «Меркюр» великолепные и, главное, приватные водные процедуры.

Босс откидывается на спинку сидения и прикрывает глаза. Все когда-нибудь случается в первый раз, так, Джек? «Я давно разучился не верить». Похоже, тут мы солидарны. Я не могу жить без веры, без смысла, а смысл, единственный и невозможный, сидит сейчас со мной рядом. «Когда-нибудь ты вновь обретишь то, для чего стоит барахтаться и каждый день хватать себя за шкуру. Обретишь и неизбежно потеряешь вновь. Поверь мне, Янто». Джек так часто оказывался пророком, быть может, потому что слишком часто ошибался. Странно, но именно его небезупречность и заставляет так ему верить и так... любить. Такси опять замедлило ход – по правой стороне огромный парк, высокая изгородь, и воздух пахнет близкой водой. Совсем как в той чертовой деревне, где окопались людоеды. Мы по уши в крови и вони, кажется, салон служебной машины теперь не отмыть. Так и будет вонять сырым мясом, человеческими внутренностями и всем прочим, с чем мы сегодня имели дело. Гвен и Тошико каким-то чудом завернулись в шинель Джека, но все равно дрожат от холода и шока. А мы с Оуэном лязгаем зубами в одних насквозь промокших рубашках. Джек везет нас домой, в Кардифф, и каждый в этой машине думает, что никуда уже не убежит от увиденного. Гвен потом призналась мне, будто Джек с обрезом в руках напугал ее сильнее, чем людоеды. Вероятно, я с ней согласен, хотя, не явись капитан, как раз мне первому и перерезали б глотку ножом мясника. До этой ночи я не хотел жить, словно бы Лиза забрала меня с собой. Мне легко сошло с рук предательство, меня простили... не знаю для чего. И мне плевать – почему. Может быть, потому что я все-таки поднял пистолет, чтобы застрелить Лизу, хотя и не успел. Джек Харкнесс дал предавшему его, а заодно Торчвуд и всю планету Земля, администратору Джонсу шанс исправиться. И сегодня спас мне жизнь. Несмотря на то, что я вновь предал его, публично отрекся от того, что между нами было. Только месяцы спустя, прижимая к лицу старую армейскую шинель человека, который больше не очнется, я подумал... я сделал Джеку больно, а он все равно спас меня. А быть может, все это мои выдумки, и для Джека мои слова о последнем поцелуе, мое очередное вранье, ровно ничего не значили. Только зачем он тогда так на меня смотрел? Будто ему в самом деле больно. И за себя и за меня разом. Но Лизу ему не было жаль, ни капли! Он спокойно и равнодушно переступил через нее, а она не в чем не виновата! Моя Лиза, она так хотела жить. Ее убитая молодость, растоптанные мечты... Я вытянулся на заднем сидении джипа, глядел в спину Джека и силился вызвать в себе былую ненависть. Но она пропала, осталась только огромная усталость и грязь – на моих руках и одежде, в моей душе. Ничего, кроме крови, усталости и грязи.

Когда мы выбрались из той машины, Джек перехватил меня за плечо, и я словно наткнулся на твердый взгляд. «Если захочешь... – крошечная пауза, видно, капитану не

улыбается уподобиться психоаналитикам. — Захочешь меня видеть, просто позвони. В любое время. Я приеду». И я стою перед ним, разрываясь между желанием вновь врезаться ему по морде или вцепиться в него — горячего, живого, настоящего. А потом потянулись унылые дни. Худшие дни моей жизни — я думал бы так, если бы вообще сохранил способность анализировать. Но я просто вставал каждое утро и из какого-то нелепого упрямства распечатал список вещей, какие последовательно должен делать. Приготовить завтрак и съесть его. Выставить мешок с мусором за дверь, чтобы его смогли забрать. Сдать белье в прачечную. Позвонить сестре и поговорить с ее мужем о футболе. В воскресенье купить племянникам небольшие подарки. Сказать соседу справа, что у него протекает крыша и это моя проблема тоже, потому что потолок уже весь в пятнах. Придя на работу, обязательно поздороваться со всеми. Прежде чем кормить птеродактиля, сказать Гвен и Тош, как хорошо они выглядят. Сказать Оуэну, что у него слишком большой расход на медицинскую посуду, не мог бы он бить ее не так часто. Напомнить Джеку установить двухтарифный счетчик электроэнергии, так будет экономней, и мы все равно часто работаем по ночам. Вечером взять диск в прокате, а потом записать краткие впечатления о фильме. Я пропускал большую часть этих пунктов, что угнетало еще сильнее, будто именно повседневные мелочи привязывают нас к существованию. Временами я не мог понять, чем занят и куда несут меня ноги. Вдруг приходил в себя где-нибудь в подвалах и не мог сообразить, как добрался сюда из приемной Туристического центра. С трудом разговаривал с коллегами. Но память фиксировала происходящее с бесстрастностью автомата, складывая впечатления в дальних уголках сознания.

Вот Сьюзи сидит в кресле, а в затылке у нее дыра размером с блюдце. А Джек сверху вниз смотрит на своего бывшего, мертвого-немертвого-воскрешенного заместителя и, скрестив руки на груди, чеканит: «Нужно ее убить». И мы вновь идем убивать Сьюзи. Вот Тош рвется к своей любовнице-инопланетянке и кричит: «Ты убил ее!» И Джек отвечает с торжествующей ухмылочкой: «Да!» Вот Джек приказывает мне убрать то, что осталось от отравившегося газом путешественника во времени. Роняет равнодушно: «Я отпустил его». Девочка, которую он отдал злым феям. И много чего еще. И Лиза. «Даю тебе десять минут. Если ты не убьешь ее, я войду и сделаю это сам». Чудовище.

И вот однажды инстинкт выживания заставляет умолкнуть голос подсознания. Разлом ведет себя тихо три дня, и на выходные Джек выгоняет всех с базы. Он считает, что такое затишье не к добру и лучше как следует отдохнуть. Я добираюсь до дома, поднимаюсь на крыльцо и больше не могу сделать и шагу. Два дня наедине с самим собой — это пугает хуже плена у людоедов. Какая разница, что мой босс чудовище, если он потрясюще трахается? Я работаю в Торчвуде, верно? Крутой охотник за пришельцами должен быть выше подобных мелочей. Я — как лист бумаги возле открытого настежь окна, не прижмешь камешком, улетит. Джек и есть тот самый камешек... целый булыжник! Если я хочу выжить, нужно найти лекарство. И, не отпирая двери, я набираю номер. Отчего раньше я боялся Джека, долго примеривался и мялся, прежде чем заговорить с ним? Сейчас я просто говорю автоответчику: «Джек, вдруг у тебя нет сегодня никаких планов? Если так, я куплю бутылку сливовицы». Телефон вибрирует, когда я расплачиваюсь в супермаркете. «Буду через тридцать минут. Купи валлийскую сливовицу». Глупо улыбаясь, я возвращаюсь в торговый зал и беру вторую бутылку. Совершенно не сомневался, что Джек откликнется. В начале службы в Торчвуде личная жизнь капитана Харкнесса казалась мне богатой, как Форт Нокс, но я быстро понял, насколько это неверно. У него просто не хватает времени на личную жизнь, потому что он и нашел ее под боком — в лице молодого, наивного администратора. Потому и подбивал бабки к Гвен, но мисс Купер определенно одна из самых умных женщин Уэльса.

Полчаса пролетают совершенно незаметно, в голове ни единой мысли, и молчат назойливые голоса. Распахиваю боссу дверь, и при виде меня он широко ухмыляется. Должно быть, то, как я планирую провести субботний вечер, написано у меня на лице, и в глазах Джека вспыхивают предвкушающие огоньки. Мы успеваем выпить по бокалу сливовицы, а потом он требовательно притягивает меня к себе за бедра. Я захлебываюсь этими «феромонами будущего», трусь об него, неловко и резко стягивая с плеч подтяжки. Зная, что улыбка у меня сейчас довольно блядская, ехидно спрашиваю, не врал ли он насчет биохимии пятьдесят первого века. Может быть, это все-таки лосьон? И перепадет ли мне немного одуряющего запаха, если мы?.. И тут понимаю, что меня трясет, и ресницы тяжелые, мокрые. Тру кулаком глаза, а Джек прижимает меня к себе, удерживая почти насильно. Напряжение достигает пика, меня уже просто корчит, и руки сводит судорогой. Я не понимаю, что он говорит мне, и Джек бросает попытки объясниться вербально. Следующий кадр: я лежу на животе, уткнувшись лицом в диванную подушку, и грань между истерикой и нестерпимым возбуждением такая тонкая, что и Фрейд бы спасовал. Впрочем, Джек быстро выдергивает валик, подкладывая мне его под бедра. Мне так нужно это, так... чтобы он сделал что-то. Поставил мир обратно на ноги, вернул мне меня. Цельность. Единство. И чтобы никакого подсознания! И никакой памяти. Я прошу его об этом. Вероятно, в каких-то совершенно викторианских выражениях, потому что Джек опять смеется: «Только уговор – не визжать. Знаем вас, девственников». Клянусь, я не визжал, но Джек до сих пор меня дразнит и говорит, что я просто не помню. Наверное. Боли почти не ощущалось, только странное распирающее чувство... Вскоре я, всхлипнув, зажал зубами уголок подушки. Джек удерживал меня, и это было так чертовски медленно, а его шепот во влажную от пота шею срывал мне тормоза: «Тебе еще так понравится, что только и станешь вниз проситься. Что я тогда буду делать? А, Янто? Я-ааа-нто-ооо!..» Он был прав на сто процентов – мне понравилось. Не то слово. Заполненность, давление именно куда надо, резкие сокращения внутри, перебивающие боль и дискомфорт. И ладонь Джека на моем члене. Кончая, я приподнимаю ягодицы, в безотчетной попытке соединиться еще плотнее, раствориться в нем. И только тогда Джек входит полностью, рвано дышит мне в плечо. Он не надел презерватив, и я чувствую все. Дополнительное удовольствие после оргазма – знать, как ему хорошо со мной. Во мне.

Совершенно сумасшедшие выходные. Оставшийся в офисе Оуэн раздраженно интересуется, чего это у меня такой идиотский голос. «Пересматриваю *Семейку Адамс*», – отвечаю я, поспешно зажимая Джеку рот рукой, но он все равно хохочет так, что Оуэну, верно, слышно. «Посмотри лучше *Секс в большом городе*», – бросает Харпер и отключается. Вечером начинает хотеться есть, и Джек распахивает дверцу холодильника. Хмыкает: «Запасливый мистер Джонс. Яйца, сыр, бекон. Только когда ты успеваешь все это готовить?» А я и не успеваю, но сейчас во мне просыпается просто зверский аппетит, будто я не ел, по крайней мере, год. «Будем делать лазанью», – командует босс. «Сэр, я потрясен! Неужели вы и лазанью умеете?..» – «Нет, но я буду тебе ассистировать. Я самый покладистый ассистент на полуострове, мистер Джонс!» Смеясь и отталкивая друг друга от стола, мы мастерим нечто замысловатое, в этом блюде едва ль можно признать лазанью. Но мне без разницы. Все так легко и просто, когда отключаются подлинные эмоции и мозг. Когда все готово, я велю Джеку натереть сыр. Ставлю «лазанью» в микроволновку и поворачиваюсь к столу. Джек сосредоточенно возится с сыром, убирая испачканной рукой челку со лба. На нем мои пижамные штаны, которые ему немного коротки. И я смотрю на линии сильной спины, на складки обтягивающей ягодицы материи, и забываю включить таймер. Подхожу сзади, вжимаясь пахом в точно подставленные полушария, потом рывком сдергиваю мягкие брюки вниз. Кладу ладонь поверх его руки, запрещая ему двигаться, потом обхватываю член у основания. Через минуту или две влага выступает на головке, и я ласкаю бедра Джека, просовываю руку ему между ног, наслаждаясь теплой кожей, его возбуждением и послушанием. Перед тем,

как нагнуться над столом, прогибаясь в пояснице, он оглядывается через плечо, и я отмечаю холодную внимательность взгляда. Это длится только миг, и я отбрасываю это ненужное мне наблюдение. В субботу вечером мы трахаемся с боссом на кухонном столе, а кардиффский разлом, Торчвуд и даже тот факт, что сейчас я не вижу никого и ничего, кроме убийцы Лизы, пусть катятся ко всем чертям. Мне хорошо. Янто Джонсу всего двадцать пять лет, и он имеет право наслаждаться жизнью. И самым красивым мужчиной на планете Земля, а может, и во всей вселенной.

Лазанья подгорела, окончательно потеряв право называться блюдом, и Джек заявил мне, что за это я ему должен еще один раунд. Я поцеловал его и попросил: «Останься». И он согласился без раздумий. Мы впервые провели вместе ночь, а утром я проснулся у него на плече. Кажется, Джек давно не спал, просто лежал, сосредоточенно изучая пятна на потолке, оставленные протекающими трубами моего соседа. «Повторим в следующие выходные?» Хм, повторили мы гораздо раньше – уже в понедельник, когда остались минут на двадцать вдвоем. Быть может, в другом месте, не в Торчвуде, наши странные отношения привели бы к чему-то хорошему, но здесь закончились закономерно – предательством и смертью.

– Луара, – Джек произносит это, не отрываясь от окна, и я вздрагиваю. Такси едет по набережной, еще несколько минут, и покажется ресторан Изабеллы Даво. Будем надеяться, Джек даст мне какие-то инструкции относительно того, как разговаривать с колдуньей. Иногда мне кажется, что если бы капитан поменьше скрывал от нас, многих бед можно было бы избежать. Но иногда я думаю: лучше не знать его тайны. Что изменилось бы, если б Джек подробно рассказал нам, к каким кошмарам приведет открытый разлом? Гвен не могла смириться со смертью Риса, Тошико боялась чумы, Оуэн хотел исправить свою ошибку и вернуть Дайану. А я думал: ну вот, Джек Харкнесс вновь делает это с нами. Перечеркивает сотни жизней, только бы добиться своего. Чудовище. Все эти месяцы близости, обычной для людей близости, – ложь. А правда в том, что в Джеке есть нечто нечеловеческое, и он погубит все нас. В конце концов, ему самому ничего не грозит! Призрак Лизы просил меня открыть разлом, спасая от бездушного монстра, и вот я диктую украденный код Гвен, и мне плевать на то, как смотрит на меня Джек. Расширенными, неверящими глазами. А потом принимается сыпать оскорблениями. Кажется, он сильно задел всех, кроме меня. Я ничего нового от босса не услышал, понятно было, что я для него всего лишь временное развлечение. Только утром того дня Тош рассказала мне, в каком восторге наш босс был от бравого американского летчика, как целовался с ним и обнимал. «Янто, мне казалось... казалось, будто Джек хочет остаться там, в сорок первом. С этим капитаном Харкнессом. Я никогда его таким не видела!» Так что же, я позволю миру погибнуть, слушаясь приказов человека, которому всегда было на меня наплевать?

И лишь потом, когда Джек умер, каждое мгновение жуткого дня встает передо мной – обнаженное, беспощадное. Правда в том, что я вновь предал Джека. Глава Торчвуда призван спасать землян от угрозы извне, даже если весь персонал забыл свой долг. Тем хуже для персонала, Джек обязан был переступить через нас. Но он переступил через себя самого. Вот Джек почти брезгливо отстраняется от меня, хотя сам с трудом удерживается на ногах. «Гвен отвезет меня. Остальным оставаться здесь». Он верил только Гвен, очевидно, потому, что она не предавала, просто хотела спасти Риса. Перед смертью он хотел видеть только ее. Мне отлично знакомо то выражение, какое я вижу на лице Джека, – ему настолько все противно, что жизнь потеряла смысл. Он рад тому, что пойдет на корм Аббадону. Вот мы укладываем его – мертвого – на стол, Оуэн торопливо разрезает одежду, все еще на что-то надеясь. А я застываю столбом, не смея коснуться. Джек бы этого не хотел. Проходят дни, и даже Гвен уже сдалась, и я осторожно

складываю бумаги на столе Джека, двигаясь точно марионетка, иду к выходу и зачем-то снимаю с крючка старую шинель. И будто верхние этажи Торчвуда, все эти тонны кирпича и бетона, падают на меня. Я не могу ни зарыдать, ни закричать, только прижимаю пахнущую ветром свободы шершавую ткань к лицу и раскачиваюсь. Убивая во имя жизни на земле, отдавая свои бесчеловечные приказы, Джек избавлял нас от необходимости выбора. Но мы бы и не смогли сделать такой выбор, мы провалили экзамен, забыв, что ничто, даже самое дорогое, не стоит существования человечества. Да, вот так глупо, пафосно, как сказал бы Оуэн. На дверях Торчвуда следует написать: оставь надежду, всяк сюда входящий. Мы можем лишь пытаться делать свое дело, не надеясь ни на что, радуясь каждой по-человечески прожитой минуте, как подарку. Джек всегда это знал, он дорого заплатил за это знание, а теперь поняли и мы. Я понял. Слишком поздно.

Я все еще пытаюсь принять неизбежное, когда в общем офисе раздается сдавленный возглас, и каблучки Тош цокают по металлическому настилу. Долгие дни на базе было тихо, как в морге, и шум, движение оглушают. Джек идет ко мне, и я протягиваю руку, боясь, что даже на нейтральное рукопожатие он не ответит, а сердце колотится так, что, наверное, долгоносики в камерах слышат. Но Джек обнимает меня и... все то, что он вложил в это прикосновение губ, я изо всех сил старался помнить, когда мой капитан вновь исчез.

– Приехали. Янто, очнись, – Джек подталкивает меня в плечо, а я не могу вынырнуть, я все еще там. За время отсутствия босса что-то изменилось, в который уже раз, и опять непоправимо. Джек верно говорил, что я найду для себя новый смысл, но забыл упомянуть, как страшно будет каждый день думать – вот-вот потеряю вновь.

Водитель берет деньги молча, а мы выбираемся на мостовую красного кирпича. Такой кричащий оттенок... и дома кругом аляповато-яркие. Отчего меня все раздражает? Впереди на двухэтажном здании – постройка 18 века, как гласят данные Тош, – крупная вывеска: «Дары судьбы». Не слишком ли громкое название для ресторана креольской кухни? Джек, не оглядываясь, входит в большой зал, где шумит вода декоративного фонтана, пахнет какими-то притираниями и тускло блестит полированное дерево.

– Мадам Даво у себя? – темнокожий официант смотрит на нас так, будто мы нарушили какое-то табу. Вероятно, колдунья запугала весь персонал. Знакомая история, Ивонн тоже заставила всех себя бояться и потому загубила организацию. Не трясись все от страха перед шефиной, кто-нибудь, наверняка, воспротивился бы ее опытам.

– Боюсь, мадам Даво не сможет вас принять, но если вы оставите координаты...

И тут Джек пускает в ход свой любимый козырь. Обожаю на него смотреть в такие моменты. Капитан откидывается на пятки, руки в карманах, взгляд сверху вниз из-под ресниц и нахально-добродушная ухмылочка. Отчего-то все сразу понимают – откажи, и от добродушия не останется и следа.

– Передайте мадам Даво, что ее хочет видеть Торчвуд. Торч-вуд. Запомнили?

Мадам-колдунья появляется через несколько минут. Высокий тюрбан синего шелка смотрится гораздо ярче, чем ее маленькое темное личико. Я стараюсь слишком на нее не пялиться – за время отсутствия Джека Гвен здорово натаскала нас в оперативной работе. Гроу Бло был замечен рядом с этой женщиной. Он мог везти таинственные шарики именно Королеве зомби или кто она там, раз засветилась в той «Ночи мертвых». Зачем ей инопланетный артефакт? Чтобы повторить... ну что они там делали с мертвецами? Джек

так и не рассказал толком. Сейчас он рассматривает висящую на стене африканскую маску, делая вид, что ему безразлична встреча с той, что за семьдесят лет не постарела и на день. Но когда Изабелла подходит ближе, придерживая полу широкой брючины, босс поворачивается к ней и улыбается так ослепительно, что мне сразу становится жаль эту низенькую женщину – Королева зомби она или нет.

– Джек Харкнесс! – она выпрямляет спину, расправляет плечи, точно собралась указать нам на дверь. – Но, Чистая Дева, откуда?!

– Вижу, ты меня не забыла, Дом, – странно, но в речи Джека появляется непривычная нотка, будто бы он подстраивается под гортанный акцент гаитянки.

– Ты обещал мне. Обещал, что не потревожишь больше никогда, – она силится сохранить спокойствие, но мелкие черты каменеют, становясь похожи на стенные маски, – обещал тогда, в Кардиффе, в обмен на помощь. Я вам помогла! И откуда ты вообще взялся... такой?!

Понятно, чего она так напряглась. Я бы тоже напрягся, если б через семьдесят лет ко мне пожаловал человек, которого будто бы обошло время. Счет один-один. Изабелла поразила Джека, но и он в долгу не остался.

– Спокойно. Современная косметика, знаешь ли, чудеса творит. Борьба с возрастом – привилегия не только женщин, не так ли, Дом? – Джек весело оглядывает ресторан. – Ты понимаешь, для чего мы пересекли Ла-Манш или пустимся в долгие объяснения?

– Я ничего не знаю, – кажется, она взяла себя в руки, даже акцент стал слабее, – моя молодость – от моих богов. А вот откуда ты взял свою, капитан Харкнесс? Лучше бы тебе покаяться...

– Ты по-прежнему считаешь всех белых круглыми идиотами? – Джек комично приподнимает брови, покачивается с носков на пятки. – Тяжелое наследие рабства, эх! Так что же? Будем говорить, Дом, или мне начать копать самостоятельно?

– Не паясничай. Я никогда не была рабыней, точно так же, как ты никогда не был американским пилотом, – она складывает руки перед лицом, умоляюще морщится, – может быть, мы решим все без шума? Как в прошлый раз.

– Ну, в прошлый раз было довольно шумно. И изрядно воняло, – Джек похлопывает Изабеллу по плечу, потом опускает руку ниже. Он смотрит ей прямо в глаза, понятия не имею, как он ухитрится вслепую выбрать место, куда прилепить «жучка». Колдунье очень хочется отшатнуться, и на всякий случай я похлопываю себя по бедру. Если она кинется бежать, мне что, стрелять? Будто только заметив, что Джек пришел не один, женщина поворачивается ко мне – верткая, быстрая.

– О, да у тебя новый любовник? Куда делся Лайонел? – глаза-маслины, вздернутый нос, бровей почти нет. М-да, вечная молодость едва ль принесла Доминге много романтических воспоминаний.

– Не старайся поразить меня своей хиромантией, – Джек свободной рукой машет у колдуньи перед лицом, а вторая в этот момент легко касается красивого браслета на запястье женщины. В наушниках раздается щелчок. До тех пор, пока она не снимет браслет, мы будем все слышать. Жаль, Тош еще не может обеспечить и изображение. Но

браслет явно не из тех, какие снимают слишком часто, – тонкий, старинный. Наверняка Доминга им дорожит. – Семьдесят лет прошло. Когда же предадимся воспоминаниям?

– Не сейчас, Джек. Я свяжусь с тобой. Тут слишком опасно, – она зачастила. Не к добру это. Голос Доминги отдается эхом в наушниках. Сейчас в Торчвуде кто-нибудь наведет следящий сигнал. – Поверь мне, дождись вечера. Я вас найду.

Джек наклоняется к ней:

– Если ты развела здесь свою лавочку, Торчвуду нет до этого дела. Обманывая доверчивых простаков, сколько влезет. Но если ты спуталась с чем-то вон там, лучше тебе сразу все рассказать, – Джек тыкает пальцем в потолок, в благословенное и проклятое небо, которое исправно сыплет нам на головы всякую чертовщину. – Ради старых времен я готов подождать до вечера. Не дольше.

– Обещаю, – Доминга кланяется кому-то, должно быть, постоянному клиенту, но сама не отрывает глаз от капитана, – в девять часов.

Она синей вспышкой мелькает в дверях и исчезает, будто не было. Настоящая колдунья. А мы выходим на улицу. Наверное, наслаждаться поездкой у меня не выйдет, что бы Джек ни говорил.

– Так куда делся Лайонел? – бессмысленно ревновать Джека Харкнесса. Лайонел, Гвен, какой-нибудь мальчик с Чарльз-стрит³, что все это по сравнению с тем человеком или кто он там?.. С Доктором.

– Он погиб, – Джек отвечает так, что больше мне ничего не хочется спрашивать, но я упрямо продолжаю:

– Он служил в Торчвуде?

– Нет, – по лицу босса бегут тени облаков. Будет дождь. До чего же Орлеан тоскливый город! – Лайонел работал в военной разведке. Я, разумеется, ничего не мог ему объяснить, а эти сволочи из правительства послали спецслужбы расследовать «Ночь мертвых». Ну, вот и... еще вопросы, Янто?

Я вижу: он злится. Гвен говорит, что ее бесят тайны Джека. О нет, меня не бесят. Иногда мне кажется, что они меня убьют, но ведь это Джек. Мой Джек. Даже если на самом деле он никакой «не мой». И главное – знать, как с ним обращаться.

– Да, есть и еще. Ты сказал, что Доминга держит лавочку. Чем же она торгует?

Короткий взгляд, оценивающий и усталый:

– Бессмертием.

³ Чарльз-стрит – улица в центральной части Кардиффа, где находится ночной бар и гей-клуб.

Закат во все небо – малиновое поле с россыпью апельсинов. Каждый «апельсинчик» размером с Туманность Андромеды. Если сделать «живые снимки», в этот закат можно войти. Стоять, трогая бархатную «траву», дотянуться рукой до ближайшего «апельсина». Сорвать и подбросить высоко-высоко. Интересно, насколько парсеков улетит?.. «Лайф-слайды» изобретут через... через семнадцать веков, и то не на Земле. На Джанит-Прайм. Джаниты вообще настоящие технические революционеры. Это они изобрели первые вихревые манипуляторы, а какой-то высоколобый житель Джанит-Прайм сумел заключить контроль над временем в небольшой черный браслет на запястье. Контроль над временем... до чего неточный термин, и Доктора бы наверняка передернуло. Ну, контролировать время не значит повелевать им. Все равно, что думать, будто Торчвуд, оседлавший кардиффский разлом, повелевает им. Кучка людей, не умеющая распорядиться собственной жизнью, претендует на власть над самой могущественной силой во Вселенной... Претендует. И что? Кто-то против? Если да, то пусть придет и скажет. Дол... ну, теперь Дол взял себе более обтекаемое имечко, но я-то помню, как его звали, когда мы оба были стажерами! Нам тогда даже манипуляторы боялись выдавать. С тех пор, как один из стажеров – с Тора-Гор, вроде бы... ну да, они там всегда были чокнутыми – удрал с браслетом на крейсер Третьей империи, за тысячи парсеков и стандартных лет, прямо в сердце революции. И устроил там, гхм, свой вариант свержения императора. Придурок с Тора-Гор полагал, будто история его планеты, превращенной империей в сырьевой придаток, пойдет по-иному, если он, весь такой героический, влезет в галактическую революцию. Нас с Долем – о, черт, с Джоном Хартом, мать его за обе ноги! – посадили под арест за выражение сочувствия придурку. Сколько лет мне тогда было? Четко не вспомнить, настолько изнасилованное время не поддается контролю памяти. Меня определенно б замучили неприятными вопросами в Теневой Прокламации и пришили садистское, извращенное изнасилование времени. А я бы отбивался и кричал, что это меня изнасиловали. Но видимо лет мне было маловато, только в юности так горячо сочувствуют всякой придуре, принимая ее за героизм. После понимаешь, что дураки и герои, в сущности, одно и то же. К тому же, нам с Джоном побег революционера был весьма выгоден: пока его искали, занятий в Агентстве не велось. Зато старый хрыч Барбот впалял нам в арестантскую каюту «живой экран» и врубил «Краткий курс вихревого течения». Доктор как-то сказал, будто уже в шесть лет знал «Краткий курс» наизубок, а в пятнадцать внес в него изменения. Что ж, я ему поверил. И вот мы с Джоном-Долем сидели и материли экран, Барбота, Агентство на трех языках, а потом Харт сообразил, как переключить канал, и до утра мы щупали грудастых девушек на «лайф-слайдах», пришлось только звук отключить.

Вытянуть руки над головой и нырнуть в малиновое море. Как мне всего этого не хватает! В цепях Мастера не хватало Торчвуда, а теперь вновь тянет сбежать, и так будет всегда. Довольно легко давить в себе порывы удрать, пока все идет гладко, но ведь я уже сбегал. Нашел ответы на вопросы, услышал от Доктора: «Ты – ошибка», и принял это. Тяжело смотреть на свои ошибки. Так что, давай, шевели задницей, Джек Харкнесс, чтобы Торчвуд не стал персонально твоей непоправимой оплошностью. Но когда припирает, когда становится хреново, у меня все равно только одно решение – ноги в руки и деру. С этим пора завязывать. Пора, черт побери, взрослеть. Какая глупость думать, что, если перед тобой вечность, ты проведешь ее умнее, чем люди свой короткий век. Ты нигде не можешь осесть, потому что новое – всегда за следующим поворотом. Ты никого не можешь сделать счастливым, оттого что бежишь быстрее всех на этой дистанции. Быстрее, и все-таки медленнее. Любая цель для тебя дробится триллионом вариантов, и потому ты никогда ничего не достигнешь. Результат рассыпается, на глазах превращаясь в прах. Мусор под ногами Времени. И потому есть только здесь и сейчас. Железобетонное

«сегодня», вечно изменчивое и единственно настоящее. А малиновый закат и золотые апельсины галактик будут потом. У меня будет все. Я – точка в пространстве, а точку ставят только в конце предложения. Мое «предложение» – Торчвуд.

И потому Доктор сейчас там, в разноцветье огней, за завесой секунд и столетий, а я – в орлеанском отеле «Меркьюр». Земля, Франция, двадцать первый век, и за спиной тикают часы. Сейчас войдет Янто, и время побежит чуть быстрее, в чуть более правильную сторону. Оуэн, Тош, Гвен, Янто – слова в моем «предложении», они не дают точке превратиться в многоточие, бесконечное, как гребанная Вселенная. А Янто Джонс – такая увесистая лексическая единица. Очевидно, валлийская основательность и дотошность придают ему вес... и еще совершенно не островная сексуальность. Далеко не каждый землянин способен чувствовать секс так, как он задуман. Кем задуман, собственно? Ну, если боги когда-либо существовали, то это, бесспорно, их лучшее деяние. Мне нравилась теория Джанит-Прайм о трех градациях физической любви, надо будет как-нибудь рассказать ее Янто. Выдав за собственную выдумку для простоты объяснений. Первая стадия – партнеры образуют энерготреугольник... так-с, вот тут-то моя байка и сдохнет, потому как на Джанит-Прайм три пола. Доктор в теорию диктата секса, пронизывающую и соединяющую галактики, не верит. А ведь именно его ТАРДИС силой любви дала мне вечную жизнь. Роза и ТАРДИС. Маленькая земная девочка и могучая, даже Доктором не познанная до конца сила. Забавный парадокс, но Властелин Времени не оценит. У Доктора свои представления о любви, вот в чем беда. И счастье, потому что времени у нас много. Быть может, настолько много его нет ни у кого, но и мы можем не успеть.

Солнце садится окончательно, за окном больше не видно апельсинов в малиновом варенье, и это хорошо. Пора б уже Янто прийти и зажечь свет. Нет ничего проще, чем сделать это самому, но в заботе Янто столько важного. Такое не купишь за деньги и не отыщешь ни в одной галактике за тысячу лет. И не захочешь отказаться от этой награды, ничем не заслуженной награды... о, я не герой. И точно зная, что последует за коротким счастьем не быть одному, вновь выбираю «здесь и сейчас». За окном – город Орлеан, и мне хочется подарить его Янто целиком: от шпилей до набережных и трущоб, где в конце войны еще курили опий. Смотреть, как мистер Джонс за столиком уличного кафе будет пить вино небольшими глотками, будто пугаясь того наслаждения, что разливается внутри. И незаметным жестом ослабит галстук, спасаясь от жары сентября. Над его верхней губой выступит испарина, а я возьму его за руку, притяну к себе и кончиком языка высушу соленые капли... а Янто уставится на меня этими своими валлийскими упрямыми глазами, темными и матовыми до самого дна, наморщит свой высокий, опять же истинно валлийский, лоб и скажет: «Какая распушенность, сэр! Вы даже в зарубежной деловой поездке не оставите сексуальных домогательств». И я заверю его в том, что перестать домогаться в данном случае невозможно. Потом можно будет отвести Янто в хороший креольский ресторан... не в гадюшник Доминги, в другое место, и заставить заказать что-нибудь острое и пряное. Например, гамбо. И смотреть, как он силится сохранить достоинство, уплетая это неподходящее для «нормального человека» варево. А когда он все съест, сообщить, насколько гамбо повышает, хм, желание нарушить все правила деловой поездки с боссом и что босс очень даже не против. Янто сделает каменное лицо, но дрогнет жилка на виске... И будет наше «здесь и сейчас». Я вернулся именно к таким ночам и еще не насытился, да и вряд ли буду сыт ближайшие лет сто. Но у Янто нет ста лет в запасе, как нет их ни у кого и никогда. Ни в одном из миров.

Доминга-Изабелла не постарела. Как забавно, что я вижу ситуацию вывернутой, и мне сейчас даже на этих «зомби» из Йоркшира чхать, в конце концов, хуже «Ночи мертвых» ничего быть не может. Тогда земляне имели все шансы скопом оказаться в

могиле – вся планета стала бы кладбищем. Но Торчвуд справился, как справлялся и с прочими «концами дней». А суть истории в том, что старая ведьма Дом все же докопалась до секрета бессмертия, или ей помогли. Кардифф, зима 1933 года от Рождества Христова, тусклая лампа на столе, и мне холодно даже в армейской куртке. Маленькая женщина сидит напротив меня, стреляет глазками-бусинками, вздрагивает от каждого шороха. Нас тут только двое живых, а в низкие окна заглядывают мертвецы. И в моем револьвере осталось два патрона. Пули «зомби» не останавливают, но если прострелить им ноги, то обрубок так и будет корчиться на земле, не в силах встать... Два патрона, и мне до безумия хочется потратить первый на Домингу. Если потом я застрелюсь сам, то, вероятно, мертвяки оставят мой труп в покое, уберутся подальше. На кой черт им собрат по кладбищу, который не может шастать по улицам с утробным воем? Но одна только мысль рухнуть в пустоту смерти рядом с этой чертовщиной, превратившей десятки людей в ходячие куски плоти, заставляет разжать пальцы на рукояти. Мы выберемся вместе, а после я разрежу Дом на ленточки – за свой страх, за Лайонела, за игры с тем, чем играть нельзя. «Клянусь, я оставлю тебя тут подыхать, если ты сейчас же не расскажешь!» Она верит мне и мелко трясет головой, начиная говорить...

– Джек! – мягкий хлопок двери, и вспыхивает свет. Так некстати. Провести ладонями по лицу, стряхивая надежду и раздражение разом. К черту! Бесятся от бессилия, и Янто тут совершенно не при чем. Просто Джек Харкнесс возмнил себя немножко богом. – Один, в темноте. Я уж было нехорошее подумал...

– Что я улечу отсюда, как Бэтмен? – Янто кладет мне руку на плечо, как всегда замедленным, каким-то зажатым жестом. Интересно, он догадывается, насколько возбуждает его сдержанность, особенно по контрасту с тем, как он ведет себя в постели?.. Я прижимаю его ладонь своей и тут же отталкиваю. Если он будет ко мне слишком близко, надежда перевесит сомнения. Янто тихо выдыхает за моей спиной.

– Кто тебя знает? Может, и улетишь, – в голосе неизжитый страх и подозрения. Янто, Янто... быть может, я в состоянии подарить тебе те сто лет, которые хочу провести с тобой, – я верю в это, как верил всякий раз, с каждым или каждой из тех, к кому возвращался. Я могу подарить тебе бессмертие, а ты об этом и не узнаешь.

Янто ходит по спальне, перекладывая вещи – как всегда почти бесшумно, быстро и очень точно. Каждый жест – будто еще один фрагмент разгадываемого шифра. И каждый раз представляется: последний кусочек встанет на место, и я пойму мистера Джонса до конца. Хочется ли мне этого в действительности? Честность – не лучшая спутница жизни, но всегда стоит знать, с кем имеешь дело. И признаться себе, что ради Гвен, Тош, Оуэна и даже собственной дочери я бы и мысли о таком риске не допустил. Семьдесят лет назад Доминга была уверена, что эксперимент ее чертовой секты, или как они там себя называли, провалился. Доказательства ошибки стучали бледными кулаками в ставни, и даже сквозь кирпичи и дерево мы слышали голодный вой. Даже сам себе я не мог объяснить, отчего свора ходячих трупов пугает меня так сильно. Можно подумать, хуже не бывало. Ну, очнуться на станции, под звук исчезающей ТАРДИС тоже было еще тем удовольствием... и все-таки в смерти, во всех ее личинах, есть нечто, задевающее меня лично. Персональная шкатулка с секретами и кошмарами. Иногда я лишь царапаю пальцами замки, иногда беру в руки молоток и что есть силы колочу по крышке, а иногда швыряю ларец в угол и рыдаю над нераскрытой тайной. Над «здесь и сейчас», в очередной раз превратившимся в «никогда». Больше никогда... и, если я не вытрясу секрет из Дом, Янто тоже останется там, позади, за поворотом долгой и одинокой дороги. Ничего особенного. Просто следует четко помнить – когда одна реальность прекращает существование, на смену ей тут же спешит новая. Понимание не дает... сойти с ума.

Неумиравший психопат – это в самом деле смешно и жутко, а Доктор уверится в своей ошибке, чего нельзя допустить.

Янто гасит верхний свет и зажигает обе лампы у кроватей. Типично французские абажуры цвета созревших плодов, какие срывают с дерева и кладут в корзинку. Желтые уютные тени ползут по стенам, и что-то камнем сжимается в животе. Откуда мне знать, что я уже не спятил? Все можно сделать очень быстро. Я поеду к Доминге один – не стоит Янто знать о моей идее – и предложу ей избавление от Гроу Бло, от тех, кто наверняка ей поперек глотки. Когда речь идет о самом большом куше в галактике, партнеры по бизнесу совершенно ни к чему, от них стремятся отделаться. Предложу ей свободу в обмен на бессмертие... ха-ха! – и тут же превращусь в очередного кандидата на раздел пирога. Чтобы Доминга, осознав перемену расклада, не сорвалась с крючка, есть два способа. Можно просто убраться с ее пути после сделки, но если она замешана в йоркширском деле, я ее убью. Говоря по совести, прикончить ведьму стоило еще семьдесят лет назад. Только вот похоронив собственными руками то, что зомби оставили от Лайонела, я думал: еще один труп, и я сам начну кусаться и выть. А Доминга не оставила свои попытки... Сколько народу она еще загубила? Она или ее инопланетные партнеры. Если Гроу Бло выйдет с Домингой на связь, мы сможем отследить тех, кто послал эту мелкую сошку. Гроу Бло – удобные шпионы и торговцы всяческой незаконной пакостью, но они никогда сами не ведут большую игру. Как раз такого слюнявого мошенника мы ловили с Доллом-Джоном на первом задании. Военная тюрьма системы Джанит-Прайм славилась отсутствием побегов, но для «зеленой слизи» нет преград. Двое Гроу Бло вытащили для своих хозяев таких монстров, что Агентство Времени переполошилось и послало нас разобраться. На сто процентов – и сейчас зеленый мошенник всего лишь чей-то посланец. Вот пусть Янто за ним и последит, разумеется, если детектор Брауна поймает сигнал инопланетной активности. А если нет, я найду для Янто другое задание, главное, чтобы он ничего не понял прежде времени. Очередная ложь во спасение, Гвен бы немедленно возжелала попортить своим кулачком мою физиономию. Итак, все решено, остался лишь маленький пустячок. Имею ли я право выбрать за Янто Джонса его судьбу? И заплатить за это ту цену, о которой никогда никому не скажу и даже не назову про себя? Первое правило удачных операций, усвоенное еще в Агентстве: есть вещи, которые ты просто делаешь и забываешь о них. Раз – и готово.

Янто возится с ноутбуком – сеть не подключается, но он полон терпения. Любой другой на его месте уже бы начал нервничать, вымещая злость на ни в чем не повинной технике, но не Янто. Это и подкупило меня в его первый рабочий день, и даже раньше – в том ангаре с птеродактилем. Вокруг может рушиться Вселенная, но администратор Торчвуда-3 останется спокоен, как несгораемый шкаф. Мне нужен такой человек рядом, просто нужен и все, потому что я себя знаю. Янто мне вообще нужен – просто так. И он может сколько угодно сейчас устраивать свои вещи возле одной кровати, а мои – возле другой, класть белье в разные тумбочки, но спать мы будем вместе. В этом весь Янто – немалую часть себя он прячет ото всех, и от меня – тем более. И я до сих пор не знаю, до какой степени могу назвать его «своим», и неразгаданное подстегивает, точно залпом выпитый стакан виски.

– Джек, не мог бы ты подключить вот этот штекер? – Янто протягивает мне тонкий провод, повернув разъем к себе. Ни капли раздражения из-за того факта, что пока он сам возится с аппаратурой, пытаюсь придать номеру рабочий вид, босс бездельничает и пялится ему в спину. Похоже, Янто считает такое положение вещей само собой разумеющимся, и мне это нравится. Всегда нравилось. Ну что ж, у всех разные сексуальные фантазии, а мне не раз представлялось, как будто мы возимся с каким-нибудь хитрым устройством и он подает мне детали... я мечтал о Янто, хотел к нему вернуться,

это правда. Именно потому ответить Доктору отказом оказалось легче. Пусть несколько произнесенных слов ничего не изменят, рано или поздно я окажусь там, где мне и место, но я представил себе вот эти самые обыденные, уютные и удивительно ловкие движения и понял, куда должен идти. И что должен сказать, когда увижу Янто Джонса. И даже то, что он не торопился кидаться мне на шею, действовало, будто допинг.

Попрощавшись с Доктором и Мартой, я стоял тогда перед дверью Туристического центра, стараясь отдышаться, и думал: какое у Янто будет лицо, когда он меня увидит? Они не сменили код пропуска на базу – за столько времени! – но мне не хотелось надрать им за это уши, хотя с точки зрения безопасности и заслужили. А потом я полдня рылся в архивных файлах, стараясь понять, как прошел для моей команды «год, которого не было», и улыбался всякий раз, натыкаясь на запись о Янто. Тщательно сортируя факты, пытался составить картину того, как он жил без меня. Пусть я умудрился попасться во все ловушки, какие только есть в галактике и за ее пределами, но в сетях коварства администратора Торчвуда я больше не запутаюсь. Смешно думать о нем подобное, но не каждый день и даже не каждый год меня так надували. Однажды я уже составлял на него досье и пропустил массу важного. По сути, меня не особенно волновала причина, отчего молодой парень, переживший ад нашествия киборгов, вновь рвется работать на Торчвуд. Соскучился по приключениям? Хочет денег? Больше некуда идти? С Янто простые объяснения не действуют, пора б уже усвоить. Ровно ничем не примечательный юнец – не особенно умен, не слишком красив, истинно островной характер и темперамент и совершенно мутные мотивы, – он даже в команду не вписывался. Помню, как я представил себе Сьюзи, Тошико и Оуэна, а рядом с ними новенького, и чертыхнулся. В любой другой организации можно было с уверенностью сказать: он долго не продержится и сбежит; но из Торчвуда девяносто процентов уходят только ногами вперед. Я решил, что при первых признаках несоответствия попросту напою его ретконом и выставлю за дверь. Но Янто, черт побери, справлялся. Первый признак ловушки можно было отследить, когда однажды после бессонной ночи, я автоматически протянул руку, и ладонь обняла горячую кружку. Совершенно привычно обняла: я не сомневался, что кофе будет стоять именно там и именно такой, как люблю, хотя Янто никогда не спрашивал о моих предпочтениях. Я встал, держа кружку в руках, подошел к перегородке и сквозь прозрачный пластик следил, как обладатель безукоризненного костюма передвигается по офису. Мне было приятно смотреть на него. Никакого шума и хлопот, а дело делается, будто само по себе. Впервые счета оплачены вовремя, в принтерах толстые пачки бумаги, нет завала на столах, полы блестят чистотой и птеродактиль сыт, доволен и не орет. И даже мои рубашки, о количестве которых я и не подозревал, пока Янто не позаботился о прачечной, аккуратной стопкой сложены в небольшом ящике. Глядя, как Янто ловко подхватил выроненный Сьюзи инструмент, чего та даже не заметила, я впервые задал себе вопрос: зачем я взял этого парня? Мне не нужен администратор! Не нужен? Без него было хуже, определено. Как и когда стало лучше, я не мог сказать. Ребята даже не сплетничали о нем... просто потому что болтать совершенно не о чем. Тогда какого черта?.. Он настырный, довольно сообразительный, хотя звезд с неба не хватает, и не теряется при встрече с опасностью. По крайней мере, доисторическую тварь не испугался. Да-да, и вес его тела, напряженного и горячего под одеждой, приятно щекотал память... ну, прямо скажем, не только память. Я не спал больше суток, текущая задача еще и не начинала решаться, а у меня тяжелело в паху. Не иначе, в кофе этот тип что-то подмешивает. Я выглянул из кабинета и позвал Янто наверх. Бросай уборку и иди сюда, офисный мальчик! Он вошел, вытянулся в струнку, тут бы мне обман и почуять. В ангаре он вовсе не казался таким зажатым, настолько исполнительным, что это смахивало на пародию. Я оглядывал узкие бедра, длинные ноги, и особое удовольствие доставляло додумывать, как все это выглядит под слоем безупречной офисной униформы. Мне хотелось заставить его повернуться, и желательно, чтобы Янто нагнулся... хм, нет ничего

проще. Я подозвал его к столу и попросил пояснить, откуда у нас такие огромные счета за электричество в этом месяце – первая пришедшая в голову мелочь. Как и следовало ожидать, Янто нагнулся над столешницей, но полюбоваться на выставленную задницу не вышло, меня сбивало с толку выражение его лица. У него даже испарина на висках выступила и брови сошлись на переносице, будто я пригрозил ему увольнением. Чуть заметные пятна на скулах, сжатые губы и маленькое, аккуратное ухо – так и просится, чтобы мочку слегка прикусили. Он принялся сыпать цифрами, поясняя мне, кто и куда тратит энергию, а сам не отрывал взгляда от бумаг на моем столе. Он что, боится? Ненавижу, когда меня боятся те, к кому я поворачиваюсь спиной. Сложно объяснить, отчего так вышло, но Янто в команде Торчвуда, и ему должно быть тут спокойно и хорошо. Я похлопал его по плечу, сказал какую-то глупость – весьма провокационную глупость, – а он вдруг поднял глаза и улыбнулся. Офисный мальчик заигрывал со мной, у него даже ямочки на щеках появились. Как раз та самая внешность, что заставляет мое воображение работать – неяркая и чувственная... черт разберет причину, но писанные красавцы и красавицы меня никогда особо не привлекали, они слишком холодны и кукольны, а в Янто был скрытый азарт... и страсть. Убийственное сочетание. Нужно попробовать вытащить все это на поверхность. Я прикинул, что лучше всего зажать Джонса в уголок вечером на базе, отпустил его восвояси и тут же забыл о нем.

– Не пойму, почему сеть не подключается, – довольно устаревшая поговорка про леди в гостиной и шлюху в постели идеально подходит к Янто. Любой на его месте уже снял бы пиджак, но Янто продолжает вести себя так, будто мы ожидаем премьер-министра. Будто знает, что именно эта чопорность способна расплавить мне мозги в предвкушении того, как он сбросит маску. – Джек, пожалуйста, еще раз проверь вон тот провод.

Я выдергиваю штекер и вновь сую его в разъем. Сеть не подключается, потому что мне нужно ответить на свой маленький вопрос, и, пока Янто мыл руки в ванной, я поставил лишнюю галочку в настройках ноута. Стоит появиться сети, и данные повалят кучей, и решать станет некогда – только действовать. Даже интересно, как быстро Янто начнет проверять настройки... Он обходит меня, наклоняется так, чтобы не коснуться, и озадачено разглядывает тонкие провода.

– Позвони на ресепшн и спроси, что у них с Интернетом, – я многозначительно тычу пальцем в детектор Брауна, – без сети эта штука почти не работает.

– Да, сейчас, – взгляд искоса, из-под коротких ресниц – настороженный, напряженный. Он мне до сих пор не доверяет, а я хочу усадить его рядом в собственную лужу. Хочу провести с ним сто лет. Хочу ли? А он? Подлинный идиотизм – трахаться с человеком почти два года, хотеть его до дрожи в коленях, скучать по нему, как скучают в цепях по свободе, в пустыне – по воде, а ночью – по свету солнца, и не знать самого простого. Не знать.

Он отходит, начинает набирать номер. Вот так же он вел себя, когда согласился на свидание. Между приглашением и самим свиданием случилось столько всего, что я уже сам не знал, для чего все это затеял. Джон растворился в золотой дымке разлома, а я все переваривал его последние слова – о Грее, – и мне хотелось напиться насмерть. Зачем я вернулся в Кардифф? Где мое настоящее место? Доктор сам позвал меня, а я отказался. Болван! Теперь будешь сидеть на Земле, в окружении людей, которым без тебя лучше и спокойней, и вновь ждать синюю будку, чтобы хлопнуть дверью, начав новую игру. Ровно такую же бессмысленную, как и все прежние. Только дай себе волю – и захлебнешься в бесконечных сожалениях о несделанном вовремя, об оставленных на поворотах и не

спасенных тобой. Наверное, меня слишком долго держали в цепях и слишком часто убивали за прошедший год, год, которого никто на Земле даже не помнит. И битое стекло памяти обо всех смертях застряло у меня в глотке, хрустело на зубах, кололо язык. Мы ужинали с Янто на террасе выбранного им ресторанчика, за окнами барабанил дождь, и мне казалось – я вернулся к закрытой двери. Скучал о чужом человеке, выдумал себе Янто Джонса, чтобы было к кому торопиться из очередного провала небытия. Стоило мне заявиться в Торчвуд, и их всех чуть не убили – из-за меня. Джон притаился по мою душу, не так ли? Бесполезный кусок дерьма, не способный ничего сделать правильно, даже собственного брата найти, – вот кто такой так называемый Джек Харкнесс. Чего ради кому-то ждать меня? И Янто не ждал, он и на свидание-то идти не хотел. Должно быть, согласился только потому... ну почему он соглашался раньше? Впрочем, какая разница!

Мы поедим и выпьем, потом завалимся в койку, и на все можно будет забить. Секс всегда давал мне точку опоры, а утром будет новый день, новая пакость из разлома, и можно будет притвориться, что я вернулся домой. Я шутил, вливая в себя бокал за бокалом, потом заказал виски и старался не замечать, что Янто молчит. А он вдруг прижал мое запястье ладонью, не давая донести пойло до рта. «Джек, остановись». Да что офисный мальчик себе позволяет?.. Его глаза были жесткими и требовательными, а в темной глубине закипало что-то... будто слезы. Он аккуратно положил на стол деньги, как всегда, оценивая счет с точностью до пенни, отнял у меня бокал и встал. Обошел меня кругом, потом взял за локоть и потянул к выходу. Куда, зачем? Неважно. Я уже был порядком пьян и, выйдя на улицу, запрокинул голову – капли падали на лицо, на волосы. Пахло свежестью и дождем. Бессмысленные, похожие друг на друга шарики кружатся там, в вышине, и я просто кружусь на одном из них. Доктор был прав – я ошибка. Только мне ее никак не исправить, к чему дурацкие терзания? Янто развернул меня к себе за плечи, потом уронил руки вдоль тела. «Я много думал, сэр. То, что я сделал, было мерзко. Предательство, сэр. Я думал о вас. Каждый день и каждую ночь. Это ничего не значит, верно. Я ждал вас. И это тоже ничего не значит. Гребанный хрен, ничего! Не значит! И никогда не будет значить! Для вас! Просто знайте, и все. А теперь я отвезу вас на базу. Вам нужно поспать», – он даже не кричал, выталкивал слова сквозь зубы. О чем говорит Янто? Страх и ошибки загнанного в угол молодого дурня он назвал предательством? Он любил эту несчастную, как ее там звали?.. Никогда не влюбляйтесь в монстров, ха-ха. О, я знаю, что такое любовь, и знаю, что уроки не запоминаются, – для таких, как Янто. Ну, когда люди сами себя припирают к стене, есть только одно средство – никогда не подводящий «delete». Полное форматирование диска данных. И если я признаю за собой право жить после всего, что сделал, то уж тем более, не стану осуждать кого-либо за право просто смахнуть прошлое в мусорную корзину. И все начать сначала – новую реальность, новую игру... А шарики пусть крутятся на своих орбитах и пахнет дождем. Янто обнимает меня, прижимаясь мокрой щекой к подбородку, держит с отчаяньем тонущего, и я медленно кладу руку на его затылок. Все повторяется. Я вернулся домой.

Прежде чем вставить мне в ту ночь, Янто спросил – быстрым, горячим шепотом, точно боясь, что ему заткнут рот: «Как тебя зовут?.. Пожалуйста, просто скажи мне свое настоящее имя. Мне нужно. Я хочу. Обещаю, я тут же забуду, если хочешь... можешь дать мне реткон сразу после...» Меня безумно это насмешило: очевидно, ребята напридумывали себе массу историй, одна другой невероятней. Ну, после явления Джона о моем прошлом можно думать все что угодно! Например, вообразить своего босса беглым каторжником, которого разыскивают в десяти системах, чтобы казнить. Они не так уж и ошиблись бы, предположив подобное. В конце концов, я попросту не помню, чем занимался целых два года... очухавшись в силовой ловушке, обколотый наркотиками и... тьфу, даже думать не могу. Так приятно лгать самому себе, у меня ведь многое

отпечталось в подкорке – урывками, фрагментами, и этого достаточно. Агентство Времени сыграло со мной веселую шутку, заодно стерев и память о детстве. А я так хотел забыть, что трусливое подсознание помогло их психотехникам. Один черт знает почему, но я рассказываю Янто правду. Кажется, я впервые в ту ночь вообще что-то ему рассказал, и как он слушал!.. Он мне верил? Так странно. Хорошо, что он хотя бы понял – я не жалею. Бывают вещи похуже, мне ль не знать. Почти не помню родителей, родной дом, только башни на песке и теплый ветер... смутно слышу, как мама зовет меня: «Джек, пора домой!» Грей тянет ко мне руки и кричит: «Джек, лови!» Что ловить? Я подставляю раскрытые ладони и вижу комок яркого света, а потом мы куда-то бежим. Ну что ж, хотя бы имя у меня настоящее, да, в сущности, наплевать... Но Янто моего мнения не разделяет и стонет мне в губы: «Хорошо, спасииииибо!» А потом упирается ладонью в подушку у моего лица и входит на всю длину, и совершенно не стыдно заорать от наслаждения, толкаясь ему навстречу. Так давно не было! Так сейчас хочется, что я плюю на все, обхватываю его руками и ногами, на каждом толчке втискиваюсь в него как можно сильнее и мотаю головой, как безумная лошадь. И кончаю очень быстро, не дожидаясь, пока Янто приласкает меня, – мне даже прикосновений не требуется. А он сжимает в ладонях мое лицо, ловит трясущиеся губы своими. Я распахиваю глаза и вижу в его чертах страх и болезненную нежность. И эта нежность рвет мне душу, мне так хочется ответить. Я вернулся к нему... к ним ко всем, но прежде – к нему. Глажу его волосы, плечи и спину, вслушиваясь в затихающую дрожь своего тела. Не отпущу я тебя, Янто Джонс, не сейчас. Потому что ты – это все, что привязывает человека по имени Джек к реальности. В данный момент – только ты. Быстрый разговор – откровенный, жадный. Он спрашивает с отчаяньем: «Ты действительно больше не уйдешь?» – и улыбается в неловкой попытке сгладить требовательный тон. Я пытаюсь объяснить... сказать все, как есть, и понимаю, что не выходит. Впрочем, как всегда. Последний раз я пытался объясниться с матерью Эллис и после пообещал себе никогда этого больше не делать.

Что я могу сказать Янто? Что сбежал от них год назад, втайне желая не возвращаться? И что даже в плену мне было не так уж плохо? Пока Доктор был рядом. Но Доктор выбирает свою дорогу, и пока нам не по пути. У меня много времени, и у него тоже, но неожиданно оказалось, что Торчвуд тянет сильнее. И вот мы лежим с Янто в одной постели, и я опять ни в чем не уверен. Ну, кроме того, что завтра безумная гонка за тем, что выплевывает разлом, все расставит по местам. Дело всегда спасает. Дело и ответственность – и этому тоже научил меня Доктор. И я говорю только последнюю фразу из воображаемой речи: «Уйти, пока вы тут будете веселиться, ребята?» Он с облегчением переводит дух. Выходит, он привязался ко мне, я стал ему необходим? Не надо, Янто, не надо... Он так и лежит на мне, и потому легко оборвать разговор, просто погладив ладонью его бедро, подтолкнув в себя. Я очень хорошо чувствую его нерастратенное возбуждение, и сжимаю внутренние мышцы, усмехаясь почти плотоядно. Янто громко охает, падает мне на грудь и шепчет: «Подожди!» Потом осторожно вынимает член и приказывает перевернуться на бок – глаза у него горят, волосы торчком... Другая ипостась Янто Джонса восхитительна! Та самая, которую не увидишь в гостиницах. Черт, как же мне нравится эта его самостоятельность и упертость! «Вот сейчас я начну отсчет, сэр. Как скоро вы догоните меня вновь? Один, два... эх, секундомер остался на базе... три, четыре», – он произносит все это с совершенно серьезным лицом, но что делают его руки! Несносный мальчишка считает даже тогда, когда входит в меня – очень легко и плавно, – в податливую, растянутую им же задницу, и сбивается еще очень нескоро. А я стараюсь не смеяться слишком громко, но выходит плохо, и тогда он с наигранно оскорбленным видом изрекает: «Вы потешаетесь надо мной, сэр?» Когда мы заканчиваем, в голове у меня пусто и никакой памяти. Никаких сомнений. Перед тем, как заснуть, я еще успеваю спросить его, какого хрена они не сменили входной код на базу. Мог ввалиться кто угодно. Или кому-то захотелось пережить упоительное приключение «Джон Харт наносит

ответный удар»? Джон знал код, мог запомнить, точнее. Янто смотрит на меня так, будто я не понимаю очевидного. «Но... ведь ты ушел... и мог вернуться. Как бы ты попал на базу, если б не знал кода?» Его признание злит безмерно, потому что все они – моя команда, и они фатально уязвимы. Злит и... а, к чертям собачьим! Я начинаю со строгостью баптистского проповедника: «Следуя инструкции, вы были обязаны сменить все пароли. Особенно, если вам неизвестно, где и у кого в руках находится один из знающих их...» И не могу продолжать. Янто смотрит на меня совершенно спокойно, с усмешкой. Однажды, бросившись за мной или просто желая дожидаться меня, он может погибнуть. Но воспитательный момент придется перенести. Я целую его. Так, как больше сотни лет никого не целовал. Вкладывая все, что могу дать... и настоящий Харкнесс не в счет, потому что он должен был умереть наутро, а Янто жив, и я позабочусь, чтобы так было и дальше.

– Джек, они говорят, что все проверили и сеть в порядке, – Янто садится у столика с ноутбуком, поворачивается ко мне. Одергивает пиджак, поправляет галстук. Ну что же, решай. Делай выбор за него. За этого взрослого младенца, который, кажется, начал хотя бы в чем-то мне доверять? Постель – не повод считать человека «своим», и дарить бессмертие кому-то одному попросту несправедливо. Жизнь, увы, вообще несправедлива, а долгая жизнь так вообще способна принести лишь одно утешение – знание, что своим существованием ты способен сделать мир хоть чуточку безопасней.

– Да? Наверное, проблема в нашем компьютере. Поторопись-ка, Янто. Нам нужно засечь Гроу Бло, – он вдруг хмыкает, улыбается сдержанно и пару раз проводит пальцем по сенсорной панели. Ноутбук отвечает миганием зеленого индикатора. Я откидываюсь на спинку кресла, скрещиваю руки на груди. Любопытно, что он сейчас скажет? Не каждый раз босс выводит из строя оборудование, вот точно. Но Янто не говорит ничего, пальцы бегают по клавишам, он даже не смотрит в мою сторону. И продолжает улыбаться. Подключив детектор Брауна, он встает, берет с кровати мою шинель и идет к стенному шкафу. Похоже, вот он – ответ на мой маленький вопрос? И не дав себе возможности передумать, я включаю наушники.

– Гвен! – в динамике какое-то шуршание, как будто мисс Купер открывает пакетик чипсов. – Проверь подключение детектора. Сейчас пойдут данные, а у нас не хватит мощностей обработать их.

– Оу, Джек. Мы уже начали волноваться, – Гвен нажимает какие-то клавиши, и датчик надрывно верещит, – у нас тут был сигнал на радаре... постой... Тош говорит, что сигнал из Орлеана экранируется. Мы постоянно теряем его, но Гроу Бло там, рядом с вами.

– Что? Дай-ка мне Тош, – у меня противно, тошнотворно булькает в глотке. Будто жабу проглотил. Если сигнал Гроу Бло что-то глушит, то это «что-то» должно быть большим. Корабль на орбите? Мать твою, к еще одному «году, которого не было» я сразу подряд не готов. – Что подельывает Изабелла? И, Гвен...

Отчего я никак не могу научиться правилам предосторожности? Янто с тревогой вскидывает на меня глаза, и я отворачиваюсь. Одной из причин моего возвращения в Кардифф стал страх за них, мою команду. Мастер всем отлично показал, что бывает, когда притупляется инстинкт выживания.

– Как там эти шарики, что мы отобрали у Гроу Бло? – пусть только Доминга-Изабелла даст мне зацепку, и технология, которую она применила, чтобы не постареть, уже, похоже, у нас в руках. Если бы не йоркширские «зомби»...

– Тошико пошла, гхм, попудрить носик, – голос Оуэна полон сарказма, – а из шариков пока ничего не вылупилось, но у меня есть нехорошее подозрение...

– Джек! – Янто подталкивает меня в бок, тычет пальцем в экран: справа распаковывается файл с данными слежки за Дом, слева отчетливой линией видны следы нашего беглого торговца смертью.

– Вижу, – отлично, сейчас я отправлю Янто за мошенником. – Так что за подозрения, Оуэн?

– Ты спрашивал, какие могут быть причины тому, что мадам колдунье до сих пор не понадобился гроб. Я просканировал шарики той штукой из архива, ну, той, с перламутровой хренью в рукояти...

– Тебе перламутровую хрень в зад, Харпер! – не выдерживаю я, и Янто вздрагивает. Выключаю звук – спишут на помехи! – и шепчу в мгновенно налившееся алой краской ухо. – Мы с тобой обойдемся без перламутра. Но если есть желание, то я знаю здесь отличный салон...

– Меня бы больше устроил малахит, сэр, – чертовски мне это в нем нравится – способность вот так не теряться. Янто щурится мечтательно, не забывая притом обрабатывать двойной объем данных. – Малахит выгодно подчеркивает...

– Мою задницу? Ну, спасибо тебе! – я смеюсь, жалея, что времени так мало. Его всегда так безбожно мало!

– Эээ, сэр, я бы сказал – наоборот, – видя, как я включаю наушники, Янто умолкает. Ему не нужно долгих объяснений, вообще никаких объяснений. И, черт возьми, сейчас мне кажется, что он видит меня насквозь. Понимает, какими методами я лечу свой страх. Не справиться, не успеть и ошибиться. Снова.

– Джек, ты где? Я уже чувствую, как ты готовишь перламутровую хрень к употреблению, – Оуэн коротко, нервно хихикает. Он нашел что-то важное, но мне все равно хочется его выпороть. Что ж, в Торчвуде без злоупотребления инопланетными технологиями невозможно. И никто не учится на чужих ошибках, а однажды какая-нибудь «хрень» может разнести полгорода вместе с воспользовавшимся ей идиотом. Объясни эту простую истину вначале себе самому, капитан Харкнесс, собирающийся использовать шарики Гроу Бло на своем любовнике!

– Ну и что показала та штуковина? – странную загогулину с большим светящимся параллелепипедом в рукоятке мы выловили на первом задании Оуэна. Мы так и не поняли, откуда она взялась, – просто валялась на улице, – и, хвала всем кольцам Вегатума-10, мы нашли ее прежде бездомных или уборщиков. На доктора Харпера загогулина произвела неизгладимое впечатление, и он даже не хотел отдавать ее ЮНИТ⁴ на проверку. Впрочем,

⁴ ЮНИТ – UNIT, первоначально *United Nations Intelligence Taskforce*, позднее *Unated Nations* в названии организации негласно заменили на *UNified Intelligence Taskforce*. Организация была создана в 1968 г. как военизированно-разведывательная служба, своего рода спецназ для борьбы с внеземной угрозой. Официальный сайт ЮНИТ – <http://www.unit.org.uk>

тамошние спецы не вытянули из нее ничего интересного и вернули нам, как всегда забыв увеличить расходы на содержание архива. А там, между прочим, полно опасной пакости... Похоже, когда-нибудь придется вывезти все это барахло за город и попросту взорвать. Лучше использовать атомный заряд, хм.

– Понимаешь, Джек, я все думал, зачем нужна эта штука. И пробовал кое-что, а вчера утром она начала светиться даже сквозь ящик. Я вытащил ее и...

– Он полный кретин! – встревает Гвен. – Ты не представляешь, Джек! Он вытащил эту... этот... пластиковый пенис! и начал им в нас тыкать. Тошико потому и...

– Замолчи, невежественная валлийская женщина! – Харпер, кажется, сердится не на шутку.

– Но-но, Оуэн, ты полегче насчет валлийских женщин, – Янто многозначительно стучит пальцем по своему наушнику, – моя сестра – одна из них.

Вот черти хреновы! Надеюсь, с Тош ничего опасного не случилось!

– Тебе хорошо, счастливчик Джонс! Сидишь во французском отеле и собираешься оттянуться на всю катушку! А я тут...

– Прекратить трепаться! – они замолкают мгновенно, хотя я еще и голос толком не повысил. Детектор Брауна уже верещит просто оглушительно. Пора ловить нашего зеленого поганца. – Янто, отслеживаешь сигнал и собираешься туда. Гвен, проверь, что с Тошико. Оуэн, что, наконец, с нашими шариками? И если ты еще раз возьмешь что-то из архива без моего разрешения, я тебя уволю. Уволю, сказал. В нашем морге для тебя места не будет.

– Похоже, перламутровая загогулина реагирует на определенные биологические, эээ, параметры. Я и раньше это замечал: если поднести ее к цветам, штуковина меняет цвет и становится зеленой. Однажды я поймал кошку, и штука пожелтела. На мужчин она реагирует бордовым, на женщин – пурпурным. А когда я утром поднес ее к шарикам, то она почернела, Джек. Ты понимаешь, что это значит? Со вчерашнего утра она светится черным...

– Ты думаешь, как только мы привели на базу Гроу Бло с его шарами, загогулина это отследила? – до маразма научная беседа, но что поделаешь. – Считаешь, шары опасны?

Вот это я сейчас вырву из Дом, если понадобится, с помощью пистолета.

– Джек, я в порядке, – похоже, Тошико плакала, Оуэн ее опять достал. Не мое дело, но Харпер поступает правильно – смерть невесты убедила его в опасности сильных привязанностей. Тошико, как любой человек, заслуживает честности, а Харпер на это пока не способен. Очевидно, никогда не будет способен. – Я обработала последние данные – над Орлеаном сильное экранирующее поле. Сомнений нет: кто-то глушит сигналы детектора Брауна. Мы не знаем, сколько там сейчас может быть инопланетников.

Тааак... Мне становится по-настоящему нехорошо. Три задачи, и все – первоочередные. Найти зеленых «слизняков», лишить их возможности раскидывать повсюду свои шары и заставить Дом раскрыть тайну. Ну, и еще запутать Янто Джонса, а это чертовски нелегко. И стараться не думать о том, что над нами может кружить

«слизняковый» крейсер. Кстати, по местному времени половина девятого – пора бы Доминге вспомнить о своем обещании.

– Оуэн! Немедленно убери шары в спецхранилище, – если непонятное излучение прошибет титановую плиту с новехоньким композиционным покрытием, идея об атомном заряде станет актуальной. – Янто! Проверь оружие и поезжай за Гроу Бло. Ничего не делать, в контакт не вступать, просто следить. Ясно? Я еду к Изабелле Даво. Один.

Распахиваю дверцу шкафа и беру шинель, а Янто встает и снимает наушник. И мне становится смешно от внезапного приступа паники – он может догадаться и тогда что?.. Откажется? Хэй, это же Янто Джонс! Нечто настолько же привычное и основательное, как Биг-Бен. М-да, как если бы Биг-Бен имел склонность внезапно трансформироваться в Везувий или нефтяную скважину. Плохо у меня сегодня с метафорами.

– Когда вернемся, прочитаем, наконец, расписание водных процедур. Так и вижу тебя в джакузи...

Слово «голым» остается произнесенным, потому что в глазах Янто появляется нечто, запрещающее это делать. Черт, когда меня начало интересовать выражение его глаз? Я пожимаю плечами, поправляю кобуру. Сейчас не до объяснений. Я либо делаю, что задумал, либо нет, но в этот момент у меня появляется идея проверить шарики вначале на себе. Испытанным способом – собственной смертью.

– Я уже посмотрел расписание, ты же приказал это сделать, – Янто будто хочет мне что-то сказать, но не решается. – Пожалуйста, будь на связи.

Я бурчу нечто невразумительное и разворачиваюсь к двери. Связь придется отрубить, как только мы встретимся с Дом. Нечто твердое упирается в спину между лопаток – это что, призрак моей несуществующей совести? Такого рода пришельцы всегда не вовремя, потому отмахиваюсь и бегу к лифту. Отель «Меркюр» похож на сотни и тысячи таких же, я просто распорядился заказать нечто посовременней. Янто, правда, обожает всякую старину... но только уэльскую старину, так что никто не в обиде. Стоит зажмуриться, выйдя в холл, и можно себе представить, что ты в Лондоне, Нью-Йорке, Палермо или даже на Вегатуме-10 – голоса и запахи повсюду одинаковы. Что делает любую планету, дом или воняющую бензином пыльную магистраль неповторимыми? Я понял это, только начав промывать мозги Джону. Отчего я застрял на Земле? Люди – вот кто создает миры. Джона ошарашила моя отповедь, да я и сам себе поразился. Но в этом отеле меня будет ждать Янто, и потому «Меркюр» особенный. Я подавляю желание еще раз напомнить ему об осторожности и поднимаю руку, чтобы поймать такси.

Доминга объявляется, когда я уже в трех кварталах от ее заведения. Все-таки Орлеан прекрасный город, и девушки здесь красивые... на углу улицы, что раньше носила имя какого-то Генриха, мне попала одна брюнетка, но водитель не смог остановиться из-за дурацких правил уличного движения. Люблю брюнеток. Ну, и брюнетов тоже. Первый раз я был в Орлеане с тем самым Брауном, изобретателем детектора, который Янто тащит сейчас в спортивной сумке. Дома мы его таскаем по очереди – не так-то легко с эдакой тяжестью вовремя выхватить пистолет. Когда Эверет Браун впервые собрал детектор, тот занимал два стола, и Эви рыдал над ним горячими слезами. Ну да, эту штуку не покажешь в Национальной академии наук, хотя Браун был гением и заслужил нелепую шапочку на голову и мантию. Лохматый очкарик – девушки от него шарахались, а мне он нравился. Налакавшись в мастерской Торчвуда трофейного спирта, я даже

рассказал ему о том, что через сотню лет такие детекторы будут прятать в пуговицах. Эви моя байка очень утешила, и он быстро придумал, как уменьшить детектор до размеров комнатной собачки – внешний вид прибора с тех пор не изменился. Вспоминать войну всегда так странно и немного горько – точно нашел забытые между пожелтевших страниц высохшие цветы, а они рассыпались у тебя в ладонях. Через месяц нас с Эви послали во Францию, и одна сука застрелила Брауна в парижском кафе. Только бы Янто не вздумал геройствовать и ловить Гроу Бло самостоятельно!

Перед «Дарами судьбы» я проверяю оружие – сообщение Доминги составлено в предельно милых выражениях, это и настораживает. Очевидно, градус моей паранойи зашкалил после выходов «Гарольда Саксона» и явления старого друга, столкнувшего меня с небоскреба, и мысль идти в гости к хрупкой женщине, поставив переключатель в автоматический режим, не кажется мне чрезмерной. «Глок-18»⁵ – отличная штука, дыр понаделает в ком угодно... Гвен придумала устроить корпоративную вечеринку с подарками, и мы полностью обновили арсенал. «Джек, даже если тебе еще не надоел твой «стэн»⁶ сорок второго года выпуска, то мы хотим выглядеть по-настоящему круто! Мы – Торчвуд». Ну, положим, «стэн» мирно пылится в сейфе уже много лет – я храню его не столько в память о войне, сколько о том, что купил за девятнадцать долларов, но Гвен была права. Мы давно не веселились, и ничто так не улучшает самочувствие, как обладание здоровенной пушкой. На оружейной базе Янто застыл изваянием над «Орлом Пустыни»⁷, я видел, как ему хочется прицепить его к бедру. «Смотри, Джек, если бы ты был Нео, а я – Морфеусом, мы б могли сыграть ту сцену с кожаным креслом». Тут мне стало не до оружия: я представил себя стоящим на коленях на этом самом кресле, а позади Янто в черном блестящем плаще... потом мы поменяемся местами. «А почему бы тебе не изобразить Нео», – ехидно поинтересовался я, а он поднял на меня глаза. И ответил серьезно: «Потому что я не умею летать. Но я рад, что выбрал красную таблетку». Мы приобрели пять «Глок-18» – такими не пользуются гражданские лица, – а девушкам еще и «вальтеры» – для повседневной работы. Потом я вернулся и купил Янто этого «Орла»...

Чернокожий малый распаивает передо мной дверь – в зале ресторана человек двадцать, в основном добропорядочные парочки и несколько уписывающих ужин бизнесменов. «Мадам ожидает вас в своем кабинете, мсье». Доминга сидит в полутемной комнате, прямая и строгая, будто в самом деле жрица вуду. На столе горят три толстые свечи, посередине нечто, накрытое черной тканью. Если Дом начнет пудрить мне мозги своей хиромантией, то я все-таки ее застрелю после. Доктора здесь нет, остановить будет некому. К сожалению. Проверяю еще раз, точно ли выключен наушник, и подхожу к столу. Главное – не дать ей опомниться.

– Ну, выкладывай. В прошлом ты понимала, что тебе грозит за отказ сотрудничать с Торчвудом. Поверь, даже если тебя не возьмут тридцать три пули в моем магазине, – я многозначительно похлопываю по кобуре, – то у нас есть средства остановить тебя. Пару десятков лет на холодке, и ты заговоришь.

⁵ «Глок-18» – модификация пистолета-пулемета «Глок-17», разработанная в 1987 г. по заказу австрийского антитеррористического подразделения «Кобра». Оружие не предлагается для продажи на гражданском рынке. Пистолет оснащен переключателем режима стрельбы: в нижнем положении – автоматическая, в верхнем – одиночная стрельба. В автоматическом режиме темп стрельбы составляет 1200-1300 выстр./мин.

⁶ Пистолет-пулемет «стэн» – STEN, создан в Великобритании в 1941 г., когда в войсках ощущалась серьезная нехватка оружия. Отлично зарекомендовал себя во многих британских кампаниях, снят с вооружения в конце 70-х. Первоначальная себестоимость (1943 г.) – чуть более 5 долларов.

⁷ «Орел пустыни» – *Magnum Research Desert Eagle*, полуавтоматический крупнокалиберный самозарядный пистолет вызывающе-броского вида, благодаря чему он «засветился» в многочисленных голливудских боевиках, в том числе и в «Матрице».

Криогенная камера на базе еще имеет свободные ячейки. Я внимательно изучаю ее лицо – показалось или нет, что при угрозе смерти зрачки чуть расширились?.. Можно ли ее убить обыкновенной пулей? Тонкая шея Дом клонится под тяжестью синего тюрбана, и темные руки подрагивают. Датчик слежения на ее браслете показал: днем Дом ездила на католическое кладбище, но не остановилась ни у одной могилы. Просто гуляла по тропинкам.

– Не повышай голос при моих покровителях! – она грозно тычет пальцем в стену, где развешаны уродливые маски. Черные и белые, одинаково вытянутые, точно в последней судороге, морды. – Ты прогневишь их, и они нам отплатят.

Вздыхая, я подвигаю себе стул и сажусь напротив. Интересно, она считает меня полным дураком или на самом деле сошла с ума? Верит в то, что ее дружки-«слизни» – божественные духи, несущие бессмертие?

– Давай начнем сначала, Дом, – как бы здесь пригодилась Гвен. С ней идеально играть в «доброго и злого полицейского». Тош и Янто могут только «доброго», Оуэн – только «злого», а я, выходит, обязан быть спецом на все руки, – в тридцать третьем ты и твои приятели превратили в зомби пять кварталов. Ты призналась мне в ошибке и нашла средство успокоить несчастных. Что изменилось теперь?

Она молчит и сверкает на меня выкаченными белками глаз. И я продолжаю вкрадчиво:

– Основа технологии внеземная, но у тебя есть какой-то секрет. Даже целых два секрета: один превращает живых людей в ходячие плотоядные трупы, другой дает подлинное бессмертие. И никакое вуду тут не при чем. Если ты дашь мне второй, я немедленно оставлю тебя в покое...

– А если я не хочу, чтобы Торчвуд оставил меня в покое? – она подается ко мне, почти касаясь своим тюрбаном. Я только и могу, что пробубнить:

– Да неужели? – и Дом вскакивает со стула.

– Давай-ка ты будешь играть по моим правилам, капитан! Это тебе от меня что-то нужно, а мне не нужно больше ничего. Я устала. Почти сто лет жизни оказались слишком обременительными...

На какой-то миг я перестаю ее слышать, точно гложу внезапно. Впервые существование показалась мне обременительным, когда я обнаружил, что не помню, сколько мне должно исполниться лет, и это меня не волнует. Я пил три недели, а потом меня подцепил Торчвуд – привязал к креслу и подключил электроды к соскам, – и я понял, что на этой тошнотворно длинной дороге могу лишь иногда выбрать во имя чего тратить безграничный запас смертей. Умереть не страшно – страшно умирать и возвращаться к жизни.

– Я отдала все долги сегодня. Можешь меня убить, – Дом смеется торжествующе, – потому что если этого не сделаешь ты, сделают они. А я не хочу больше таскать для них каштаны из огня. Ты слышал меня, капитан?

– С кем ты ходила прощаться на кладбище? – она не блефует, вот где ужас-то. Дом пренебрежительно машет тонкой рукой:

– С одним типом, про которого когда-то думала, что хочу провести с ним вечность. Знал бы ты, как он мне осточертел! И ведь, подумать только, я отдала за него в уплату духам шестьдесят человек! По круплицам собирала десять лет, чтобы ты и твоя контора не нашли меня по следам из ходячих трупов! Во Франции, в Италии, даже в Африку ездила – там это куда проще. А этот гад лежал на диване, жрал виски! И еще он гулял. Изменял мне направо и налево. И вот когда пришло время для ритуала, я уже не хотела его проводить, и он сдох от цирроза в положенный срок. Теперь давай, выкладывай, чего ты хочешь?

Сука! Ну какая же сука! Типичная тварь, для которой все живые существа – только отражение ее собственной сучьей натуры. Дом даже в голову не приходит, что на земле есть люди, достойные бессмертия. Такие, как Янто. Просто она никогда таких не встречала. За сотню лет... мне что, жаль ее? Ей плевать, когда кто-то умирает, а она остается жить. Она не задает себе бесконечно бессмысленных вопросов. Не цепляется за «здесь и сейчас», потому что нет ничего кроме.

– Для чего тебе бессмертие, капитан? Ведь ты и так прожил дольше, чем нужно, – Дом поджимает толстые губы. – Значит, я угадала, и тебе не терпится глотнуть уже выплюнутого мной дерьма? Вручить величайший дар богов тому, кто надоест тебе уже на следующий день? Ты будешь прикован к этому человеку, и как же хваленая свобода?

Свобода? Однажды, уже после моего возвращения, ко мне на улице подошел парень, с которым мы как-то мило поболтали в баре. Янто мрачнел тем сильнее, чем чаще тот улыбался. Да черт возьми, мы с этим типом даже не трахались ни разу! Но Янто понял все по-своему и молчал – и день, и два, и три... ну, то есть, он разговаривал по делу и вовсе не старался «наказать» меня. Ему было хреново, только и всего, и я понял, что не хочу видеть его таким.

– Я отдам тебе секрет в обмен на защиту. Но учти одно, капитан Харкнесс: ты сможешь воспользоваться им, только если превратишь в трупы не менее пятидесяти человек. Ты готов к этому?

Она смотрит на меня так предвкушающе, точно речь идет о рождественских подарках. Должно быть, если бы я не встретил ни единого хорошего, да просто важного мне человека с 1869 года, то тоже помешался бы от злобы. Что ж, дознание продолжается.

– Я сказал: начнем сначала. В твоих эмоциях не хватает логики, а ведь Королева зомби должна быть более хладнокровна. Впервые шарики попали к тебе в Кардиффе, так? Вероятно, просто выкатились из разлома, ты подобрала их, собрала теплую компанию вудуистов-самоучек и...

– Мои божественные покровители...

Ну, хватит! Я откидываюсь на спинку стула и расстегиваю кобуру. Оуэн прав, «глок» смотрится очень внушительно в метре от чьего-то лба:

– Мне надоело изображать придурка для твоего удовольствия. Нет никаких духов, Доминга! Есть злобные инопланетные твари, которые хотят отведать нашего мяса. То есть я признаю наличие у них веских мотивов, но Торчвуд не склонен разделять их.

– Духи всегда рядом с теми, кто верит! – она изгибается худым телом, как готовая к броску змея, а я поднимаюсь на ноги.

– Тогда чего же ты просишь помощи у меня? Я не появился из ритуального дыма после треска твоих бубнов, просто прилетел на самолете, – в глубине души я понимаю, что мне хочется убить ее, в том числе и за стремительно портящийся отдых.

– Мои покровители не всегда видят меня, – Дом закатывает глаза. – Я предлагаю тебе соглашение, капитан. Видишь это?..

Она стремительным жестом срывает черный платок со стола. Так-так... Шесть аккуратных непрозрачных шаров, уложенных в продолговатую емкость. Дом продолжает мурлыкать:

– Они совершенство. Уже полностью готовы к употреблению, не хватает только маленького компонента. В твоей власти решить, каким будет завершающий аккорд.

Я пришел сюда, заранее решив, что готов платить определенную цену, но пятьдесят человек?.. Впрочем, еще не все козыри раскрыты, и лучше быстро прибрать их к рукам.

– Согласен. Мне плевать на тех, кто умрет! – за эти слова меня могут упечь до конца Времени или до закрытия ЮНИТ, но мне все равно. Пусть только Доминга откроет тайну. – Что ты хочешь взамен?

– Защиту Торчвуда. До тех пор, пока не явятся духи и не избавят меня от докучливых «слизняков». Всем нужно бессмертие, ха-ха! – где-то в общем зале раздается дикий грохот, будто бы дверь вместе с фронтальной стеной вынесло напроочь. Должно быть, так и есть. Индикатор на моем браслете загорается красным, а рядом мигает желтый огонек: использование взрывчатых веществ и лазерного оружия. М-да, веселенькая история, в которой капитан Харкнесс в очередной раз свалял дурака. Щелкаю пальцем по наушнику: ну же, Янто, отзовись! Тишина. Экран, о котором говорила Тошико, работает. Доминга секунду бешено вращает выкаченными белками, а потом почти ложится тощей грудью на свои драгоценные шары.

– Они пришли за мной! Что ты за охотник на инопланетян, если не видишь их у себя под носом?!

– Говори, что за компонент! Говори быстрее или я брошу тебя тут! – явно сейчас вынесут и дверь в ее кабинет, но, кажется, я повторяюсь. Колдунья скалится:

– Сейчас сам увидишь, – она прижимает емкость с шарами к животу и идет к выходу – настоящая Королева мертвых двадцать первого века.

В зале ее уютного ресторанчика настоящий погром. Стену, видно, разворотили одним зарядом, но у «слизней» есть мозги – люди лежат на полу, живые. Пока живые... сейчас начнется торг. А вот и наши Гроу Бло! Трое, нет, четверо... и еще двое каких-то типов – с желтыми вытянутыми лицами. Неважно на них сидит маскировка. Гвен так и вычислила первого мошенника: у него кожа на скулах собиралась складками и норовила сползти. А у этих новеньких шкура еще и светится. Очевидно, наниматели Гроу Бло так спешили, что плохо подготовились.

– Эй, что за стилист мастерил твою морду? – желтолицый тыкает в меня широким раструбом. Ведущая марка концерна «Мега-Гал», разряд... если перевести в земные

единицы... ну да, довольно мощный. Хватит, чтобы разнести меня на куски вместе с рестораном. – Уволь его, он халтурщик!

– Черная пойдет с нами. Торчвуду здесь нечего делать, – ого! Смешно, но мне льстит наша популярность у инопланетных громил. – Уйди с дороги, человек!

– А разве я против? – пожимаю плечами, показывая раскрытые ладони. – Вот только кое-что конфискую у мадам.

Одной рукой хватаю бесценную емкость, а другой что есть силы пихаю Дом. Несколько шариков катятся по полу, но два или три остались – нам хватит! Но колдунья виснет на мне, орет что-то, и резкая боль впивается в грудь. Из шинели торчит длинная толстая игла – и кажется, что другой ее конец вышел из-под лопатки.

– Во имя, во имя!..

Кого зовет эта дура?! Над моей головой зигзаги синей молнии – кто-то из громил не выдержал и выстрелил. В углу визжит женщина. И темный, дымный столб спускается с потолка. Ну да, я бы тоже поверил в духов, увидев такое, но что за чертовщина?

– Джек! – голос Янто в наушнике – как ведро холодной воды на похмельную башку. – У них большой транспорт прямо в центре города! Я их выследил и...

Передача обрывается, а громилы уже лупят из своих лазеров в столб дыма, и Доминга продолжает завывать.

– ... что мне делать?! Джек, что мне делать?

Боль выворачивает наизнанку. Боль и тошнота. И рука, сука, онемела. Как я буду стрелять? Но «глок» слушается, точно дрессированный. Тридцать три пули, в автоматическом режиме, веером. А конкурирующая организация подождет. На земле придумана отличная поговорка: враг моего врага – мой друг. Не знали, мальчишки? Колдунья уже просто бьется в припадке:

– Не стреляй! Джек, опусти оружие! – у Доктора в лице мадам Даво появилась отличная замена по вызыванию к моему альтруизму. Но те, кто пришел превращать людей в зомби, в милосердии не нуждаются. Даже Доктор меня бы не остановил. Первая очередь сносит голову ближайшему «слизняку», и тело падает, растекаясь зелеными соплями. А шарики в моих руках внезапно точно вспыхивают. Ох, как жжет! Туман ползет по залу. Туман, бурый дым и молнии. У стены кто-то заходится истошным воплем, а здоровенный мужик в дорогом костюме ползет прямо ко мне. Из его рта капает слюна. И глаза светятся розовым, будто у поросенка. Ну, так как же, Оуэн, станешь верить после этого в могущество Голливуда? Я чуть отвожу ствол «глока» в сторону, и бизнесмен-зомби тыкается простреленной башкой в мозаичный пол. Сейчас он опять встанет. Сейчас они все встанут. Что я, мать твою, наделал?! Доминга хлопает в ладоши:

– Белые все же идиоты, – ее тюрбан размотался, видно мелкие кудряшки, – мощный компонент, Джек, не правда ль? До встречи!

Нас и громил разделяет столб дыма – отличное прикрытие для бегства. Если я еще смогу бежать, потому что у меня онемело все тело. Доминга поднимает руки вверх и исчезает. Просто отлично! Главная подозреваемая смылась прямо из-под носа.

Телепортировалась, только телепорт какой-то странный. Нетипичный. Я уже видел такой однажды, очень давно, и запретил себе вспоминать. У меня великолепная память, покорная, словно элитная проститутка – все прихоти за ваши деньги! Не хочешь помнить и не помнишь – именно тогда, когда нужно вытащить из кладовой нечто важное. Пока висит столб дыма, нужно удирать, а не думать, но я не могу их всех бросить! Там, возле входа, мужчина и женщина – она вопит, он ругается и старается высвободить платье подружки из-под рухнувшего буфета. Судя по осмысленности действий на них «компонент» влияния не оказал... Когда я поднимаю край буфета с другой стороны, от усилия перед глазами все плывет. Что за яд вколола мне Дом? Вдвоем мы вытаскиваем женщину, и я толкаю счастливых к двери. Пелена дыма уже рассеивается. Все прочие здесь обречены, и это я сотворил, но будь прокляты небо и звезды, если ошибка заставит меня отступить. Доминга солгала! Должен существовать другой способ обрести долгую молодость. Должен!

Высокие шпили качаются в пылающей огнями тьме – какой-то собор, их тут полно. Я падаю на колени, упираясь руками в горячий асфальт. Где-то рядом воют сирены. Надо постараться не сдохнуть до приезда полиции, показать им свое удостоверение, потребовать связаться ЮНИТ и дать единственно верный совет. Зомби уничтожит только огонь. Янто... где Янто? Взрыв за спиной швыряет меня лицом вниз. Даже смотреть не надо, ясно, что делают «слизни». Перекрыли канал чужого телепорта и драпают. Я переворачиваюсь, открываю глаза. Над домами висит плоский диск размером с площадь Роальда Даля, Великобритания, Уэльс, Кардифф. Мы вернемся в Торчвуд, я буду шутить с ними и улыбаться, зная, что они умрут. Все до единого, а я ни хрена лысого не могу для них сделать. Один раз попытался, но цена слишком высока. А оставшиеся шарики, начиненные смертью и бессмертием, я сунул в карман шинели – им нужен только «компонент» и, очевидно, чтобы Янто держал их в руках. Нет, приезда полиции мне не дожидаться, и Янто не отвечает, а из клубов дыма уже кто-то лезет. Лови потом мертвяков по всему городу... Я поднимаю «глок», меняю обойму. Каждое движение растягивается, точно на столетия, и первый выстрел сшибает зомби в вечернем платье в полуметре от меня. Нужно найти то, что будет гореть. У меня уже сердце не бьется, а я все еще живу. Если б только Доктор спросил меня, я бы ему рассказал... Роза и ТАРДИС изменили меня. Не просто подарили бессмертие и вечную молодость, – сделали существом иной породы. Во мне часть вихревого потока, что люди зовут Временем, часть тайн Вселенной... Но Доктор не хотел слушать. Когда-нибудь я вернусь к нему и... вот только сейчас я бы поменял такую возможность на подлинный секрет Доминги. И плевать, что я знаю – так не бывает! Ничто не дается даром.

Диск «слизней» набирает высоту, а зомби все ползут. Между мной и дверями ресторана чья-то «мицубиси», как удачно. А вон еще джип и белая «вольво». Я уже почти ничего не вижу, но на таком расстоянии промазать в бензобак невозможно. В двух случаях из трех я и не промазал. Волна жара летит в лицо, обломок падает на ноги. Они сгорят, мое дело здесь закончено, можно подышать. И тогда смерть хватает за глотку. Там ничего нет, вот совсем ничего! Огромный, голодный провал. Это только в сексе с каждым следующим трахом все приятней, а смерть – антипод любви, и всякий раз мне хочется выть от ужаса.

– Слава богу, они сняли экран! – впереди и позади все горит, а Янто Джонс рискует своей шкурой, чтобы вытащить босса из огня. Подхватывает меня подмышки и тянет. – Тош, я его нашел! Джек! Джек, ты можешь встать?

Даже если б совсем не мог, то постарался бы. Зло берет, когда они вот так вытаскивают меня. Они не понимают и никогда не поймут, для них смерть – это фатально.

Наорать бы на Янто, но он пришел за мной, теперь я не один. Так страшно подышать одному. Он все-таки поднимает меня на ноги, придерживая за талию, заставляет идти куда-то. На голове Янто синяя каска, где он ее только взял? Я протягиваю руку, чтобы коснуться его, надеясь, что он правильно меня поймет. Янто всегда понимает.

– А огнетушителя ты случайно не припас?

Счастье, что я арендовал хорошую машину, да еще так дешево. Во Франции вообще все безумно дешево. Не наш «SUV», конечно, но вполне вместительный и скоростной джип – «пежо». Я укладываю Джека на переднее сидение, сажусь за руль и включаю зажигание. Надо немедленно убираться отсюда, пока не загорелся весь квартал. Торчвуд пожаловал в мирный город Орлеан! Только сегодня и только для вас! Спешите видеть...

– Для чего тебе огнетушитель? Если нужно, достану. Я могу достать что угодно, – у Джека ввалились глаза, и губы совершенно синие. А спереди на шинели расплылось уже потемневшее пятно крови.

– Да уж... ты можешь, – он слабо машет рукой, с трудом поворачивает голову и смотрит на то, что осталось от «Даров судьбы». В конце улицы видны «мигалки» полиции, и я круто сворачиваю в переулок. Только объяснений с французскими властями по поводу космического корабля над городом мне сейчас и не хватает. – Пошарить бы в сейфах Доминги... поздно. Все поздно.

– Джек! – я ни хрена не могу с собой поделаться – каждый раз во мне что-то умирает вместе с ним. – Потерпи немного, я сейчас...

Он обрывает меня:

– Связь есть? – одной рукой я поправляю на нем наушник. – Не сидите без дела, неизвестно, когда я очухаюсь... Оуэн? Харпер, это у меня предсмертная глухота или ты опять прогуливаешь работу?

– Первое правило Торчвуда: даже смерть начальства на боевом посту не освободит вас от сверхурочных, – торжественно-заунывно откликается Оуэн, и слышно, как Гвен шикает на него. – А что? Он там будет прохлаждаться, а мы тут двойную норму выполняем.

– Но-но, я все слышу, Харпер, – Джек измученно улыбается, – сомневаюсь, что смогу... в ближайшее время повторить, наострите-ка ушки... Домингу забрали... не знаю, кто... они, вероятно, на внешней орбите... но «слизням» они не по нутру... Янто, скорость прибавь... Оуэн... мне не интересно, как, но ты вытрясешь из этих шариков все... компонент, который их включает – смерть и кровь. Я застрелил Гроу Бло, и шарик заработал... превратил в зомби посетителей... Да! Свяжитесь с полицией и объясните им... огонь, нужен огонь...

Кашель у него – как стон. Джек пытается поднести руку к груди и не может, и потому я кручу руль влево: у старинного особняка удобный «карман».

– Джек, мне эти шарики уже дороже собственных. Ну, ты понял, о чем я. Играюсь с ними и все такое, – Оуэн смеется нервно. – Ты уж, пожалуйста, очнись и поясни подробней, а?

– Так ты не убрал шары в спецхран? И почему я до сих пор тебя не уволил? – я глушу мотор. Дотрагиваюсь до мокрой шинели, пальцы цепляются за что-то твердое, холодное.

– Оуэн! У него под сердцем торчит игла, – слышно, как Харпер втягивает в себя воздух. Джек пытается меня оттолкнуть:

– Спитил? Не трать время, поехали, Янто...

Двумя пальцами я хватаю иглу за стальной наконечник. Так, успокоиться! Это нормальному человеку требуется вытащить инородный предмет из тела, а Джеку просто нужно дать умереть без лишних мучений. Я отпускаю иглу и просовываю ладонь ему под затылок, а другую руку – под плечи. Приподнимаю и осторожно притягиваю к себе. Уже стекленеющие глаза смотрят прямо на меня. Плохо, что меня так трясет. Мне больно его болью.

– Ненавижу умирать от яда, – я трогаю губами ледяную скулу, стараясь чуть отогреть его своим дыханием. – Какого хрена ты остановился?

И вдруг он рвется в моих руках. Зрачки так расширены, что цвета радужки не видно.

– Янто! Янто, ты здесь?

Мне хочется заорать: никуда я от тебя не уйду! Но я только прижимаюсь губами к его губам, сухим и шершавым, а когда отстраняюсь, Джек шепчет отчетливо:

– У меня же почти получилось... ты простишь меня?... Ян...

Он вздрагивает и обмякает, сразу становясь невыносимо тяжелым, но я отчего-то не могу его отпустить. И сижу, укачивая Джека, хоть и понимаю, что по ту сторону он уже ничего не чувствует. Потом я закрываю ему глаза, осторожно укладываю его обратно на сидение, поправляю шинель. В правом кармане что-то твердое, круглое. Трогаю поверхность ткани – так и есть, проклятые шарики. Вот за это я должен простить тебя, Джек?

Прежде всего – вытащить иглу. Я надеваю перчатки, открываю кейс, достаю инструмент. Небольшие медицинские щипцы отлично приспособлены для таких вещей. Джек подшучивал надо мной, когда мы собирались уезжать: «Янто, мы едем не на Гаити. Во Франции есть магазины!» Дай капитану Харкнессу волю, он за месяц растратит годовой бюджет. Стараясь не смотреть Джеку в лицо, цепляю иглу за толстое «ушко» и осторожно тяну. Поддается плохо. Вытираю руки о штаны, поправляю фонарик и пытаюсь вновь. Хорошо, что не нужно думать о стерильности. Игла, наконец, выходит. Показалось или нет, что Джек шевельнулся?... Рассматриваю стальную полоску на свет и только тут слышу, что сирены воют все громче. Кажется, над нами кружит вертолет, даже не один... и несет жженой пластмассой. Нестандартное оружие, нужно будет показать Оуэну. Небольшой желобок по всей длине, резервуар для яда примерно в последней трети и хорошо подогнанный поршень. Распахиваю на Джеке шинель, расстегиваю рубашку и задираю футболку. Возле правого соска – большое синюшное пятно, и багровым отмечено

место прокола. Если это сделала гаитянская стерва, эта рестораторша в пошлом тюрбане, я ее достану за орбитой Солнца! Ужасно глупо так злиться, сейчас Джек придет в себя, но беда в том, что всякий раз я боюсь лишь одного: он не очнется больше. И ему всегда больно. По-настоящему больно, черт побери!

– Янто, ты в порядке? – Гвен произносит это так резко и неожиданно, что я едва не роняю испачканные ядом перчатки. Их нужно немедленно уничтожить.

– Да, все хорошо, – поправляю на Джеке одежду, точно ему может быть холодно. Я совершаю тысячи ненужных движений, думаю совершенно не о том. Например, что Джек только в любви и смерти бывает таким, как сейчас – как будто снимает все личины, и я могу видеть его настоящим. Мне всегда было плевать на все его маски! Рано или поздно все закончится: я постарею или просто надоем ему; но он звал меня, умирая. Значит, я ему нужен, а прочее не важно.

– Янто, ты должен уехать оттуда, – в голосе Гвен тревога, и я смотрю на яркие всполохи в небе, – сейчас их полиция прочешет территорию, а мы еще не знаем, как ониотреагируют на, гхм, международный инцидент. Тошико как раз сейчас пытается связаться по списку экстренных звонков в кабинете Джека.

Я прячу кейс на место, проверяю оружие и включаю зажигание. Судя по тому, что я только что видел, полиция отнюдь не самая страшная наша проблема. Удалось ли Джеку уничтожить всех зомби? Если нет, то мертвецы сейчас расползаются по Орлеану.

– А Эрминджу⁸ вы звонили? Джек всегда звонит ему, когда дело пахнет жареным, – Эрминдж, по выражению босса, «отличный мужик» и служит в ЮНИТ. Джек говорит, что в ЮНИТ подбирают по степени сволочизма, а Вальтер Эрминдж – счастливое исключение. Даже несмотря на то, что он полковник ВВС. Боже, боже, быстрее бы Джек очнулся! Страх мешает мне соображать.

– Сейчас найдем его номер! – кажется, Гвен уже побежала в кабинет – в наушнике знакомо гремит железный настил. Как же мне хочется оказаться сейчас на нашей базе, а ведь я ее когда-то так ненавидел. – И, Янто... за что Джек просил у тебя прощения? Или это личное?

У меня в голове будто взрывается маленькая бомба, и секунду я тупо вслушиваюсь в далекие шаги Гвен. «Почти получилось... ты простишь меня?» И шарики в кармане шинели. А над городом кружат, по крайней мере, два космических корабля. Джек думал, что подвел меня и желающие завладеть технологией мадам Даво явятся по мою душу?

– Он... он просто ударил меня случайно, пока я его тащил. Ничего важного, Гвен, – как гладко я научился врать. Мне кажется, я врал всегда, великолепно сознавая, зачем это делаю. Кражи в магазинах помогали не чувствовать себя ничтожеством, которого после школы ждет карьера мойщика окон или слесаря. А когда меня поймали, пришлось придумать историю... Мать подозревала во мне склонность к гомосексуализму, и я очень легко соврал ей, будто просто стесняюсь ухаживать за девушками. На самом деле тогда я просто боялся, что так и не смогу никого полюбить. В пятнадцать лет ужас прожить жизнь без смысла толкал меня на дикие выходки. А сейчас я вру, чтобы выиграть время. Джек и словом не обмолвился, что смертоносные шары у него в кармане. Должен же в этом быть какой-то смысл?

⁸ Эрминдж – вымышленный персонаж, в каноне отсутствует.

Выбраться с нашей импровизированной парковки не так-то легко, и у меня четкое ощущение, что проще пойти пешком. Сейчас весь центр города – наверняка сплошные пробки. Так и есть: впереди все забито машинами, и люди носятся в сполохах огня. Если б Джек очнулся, у нас был бы выбор, а так остается лишь тащиться в «Меркьюр» и оттуда пытаться... сделать что? Я смотрю на соседнее сидение, и у меня комок подкатывает к горлу, хочется потрясти Джека за плечо. И тут сильный удар в лобовое стекло швыряет меня назад. Будь скорость чуть выше, я бы уже топал на кладбище! Осколки летят в лицо, и порыв ветра врывается в салон. А ведь этот джип арендованный! Расстегиваю ремень, одной рукой поворачивая руль, но остановиться не успеваю. Какая-то сила вырастает на пути «пежо», и меня вновь приклеивает к сидению, а потом вжимает грудью в руль. Все-таки общение с Джеком принесло свои плоды: я стреляю в темную массу впереди прежде, чем успеваю понять, во что врезался. «Глок» прыгает в моей руке, плечи наливаются свинцом. И когда мотор глохнет, я, наконец, вижу, кто нас остановил. В жизни не видал настолько странного инопланетянина, разве «майская муха» была экзотичней. Две нижние конечности и две передние, а между ними будто бы бочонок, и голова совсем маленькая и вытянутая. Это хозяин Гроу Бло? «Слизняк» выглядел иначе!

– Выходи, человек! Выходи и отдай нам то, за чем мы пришли.

«Бочонок» – это явно нечто вроде скафандра, и на морде у пришельца маска, а в ней динамик, потому что голос гулкий, с искусственными модуляциями.

– Вы находитесь на планете Земля незаконно! – едва ль он меня послушает, но что еще тут сказать? Я безуспешно пытаюсь включить мотор, вероятно, силовое поле не дает мне тронуться с места. – С вами говорит Торчвуд! Убирайтесь отсюда немедленно...

Точно вихрь перед глазами, удар – и в следующий миг я лежу на колючей траве. Но «глок» все еще в руке, все еще можно стрелять... нельзя! Нельзя, Джек же сказал!.. Я даже не успеваю додумать, что именно сказал Джек и почему нельзя стрелять, как «бочонок» склоняется надо мной, обдавая озоном.

– Вы забрали виватрон. Забрал человек, который был с тобой. Отдай то, что принадлежит нам, или я узнаю, какого цвета твои внутренности! – пришелец явно учился английскому по гангстерским фильмам. Крепкая рука, закованная в какие-то широкие кольца, прижимает меня к земле – камни врезаются в спину. Если я застрелю эту сволочь, то превращусь в зомби. Джек же сказал... Я ору во всю глотку:

– Не знаю никакого виватрона! Мой напарник мертв! Вы убили его!

Шумовая граната, одно из инопланетных устройств, разгаданных и переделанных Тошико, лежит в кармане пиджака. Она не убьет «бочонок», только обездвижит. Счастье, что пришелец один. Вероятно, это разведчик, который первым напал на наш след.

– Можешь проверить! Обыщи машину! Кроме трупа, там нет ничего!

Пришелец неожиданно хмыкает, совсем как гопник из того района, в котором я вырос:

– Если это не так, мы заберем тебя к себе, и ты увидишь, сколько любопытного можно сотворить с человеческим телом!

Он проворно поворачивается и идет к машине, а я шиплю сквозь зубы:

– Сомневаюсь, что увижу нечто новое!

На, получай, скотина! Граната взрывается через четыре секунды после того, как нажмешь на рычаг, я еще успеваю зажать уши ладонями и зажмуриться. Тош придала гранате форму небольшого цилиндра, его так удобно носить и можно быстро выдернуть... После взрыва хочется кататься по земле и визжать – голова раскалывается от грохота, и перед глазами скачут «мушки», – но у меня всего пара мгновений. Я просто падаю на «бочонок» сверху, чувствуя, как пружинит его кольчатый доспех, и срываю с пояса наручники. Так, я его заковал, но дальше-то что? Я ничего не слышу, из носа идет кровь. И, гребанный хрен, ничего не вижу! Потому только крепче придавливаю прищельца к земле, надеясь, что эффект взрыва вскоре сойдет на нет. К гранате нужно прилагать защитный шлем и очки, иначе она бесполезна. Кто-то хватается меня сзади, и я захлебываюсь самому себе не слышимым воплем. Если это напарники «бочонка», мне конец. Незнакомец бесцеремонно, но не грубо, сталкивает меня с прищельца, и я пытаюсь заехать новому врагу ногой туда, где у людей находится пах. Он уворачивается, а я шарю вокруг себя, хлопаю раскрытыми ладонями по траве – «бочонки» же не знают, что я не стану стрелять! Черт, если б только убрались тошнотворные блики перед глазами... враг рядом, совсем близко, и я отбиваюсь, насколько хватает сил. Спасибо, я достаточно посмотрелся, чем оборачиваются для людей контакты с внеземными цивилизациями! Лучше сдохнуть сразу. И тут знакомое тепло накрывает мои губы. Я узнаю этот вкус и запах из миллиарда. Бешеный ветер, соленые брызги, мое счастье. Наше! В этой абсолютной глухоте и слепоте я только улыбаюсь и поднимаю руки, обнимая его за плечи. Ощупываю грубую шерсть, жесткие края отворотов. Влажная ладонь ложится мне на лоб, и мне хочется, чтобы ничего не менялось, но Джек убирает руку и отходит. А я вытягиваюсь на траве и терпеливо жду. Минуты между тошнотой и звоном в ушах текут чертовски медленно, а потом Джек приподнимает меня и прикладывает что-то холодное к вискам. На миг кажется, будто по голове проехал грузовик, а потом мне удается уцепиться за отдельную низкую нотку в хаосе звуков, и я слышу:

– ...запасливый мистер Джонс! – мы почти лежим на траве, и прямо в лицо светят фары джипа. На раскрытых, выпачканных кровью и грязью ладонях Джека – два небольших плоских диска. Магнит Хотчера... насколько я знаю, его впервые использовали вот так, обычно мы применяем эту штуку для зарядки силовой камеры. Ее я тоже захватил с собой.

– Где тварь?

Джек, не отпуская меня, машет в сторону машины – так и есть, «бочонок» беспомощно болтается в синих «спиралях» инопланетной ловушки.

– Он был один?

– Судя по всему, да. Решил проявить инициативу, и вот результат. Янто, мне хочется повысить тебе жалованье, – он коротко и крепко целует меня в ноющую макушку, – за сообразительность.

– Но ты же объяснил, как посетители Изабеллы превратились в зомби, – я пожимаю плечами, – в чем моя заслуга? Кстати, на тебя компонент не подействовал. Может быть, это поможет Оуэну разобраться?

– Не на меня одного, – рассеяно произносит Джек. Мне не нравится, как он выглядит: круги под глазами, и у губ залегли морщинки. – Должно быть, у шариков есть определенный радиус действия... или существует неизвестная защита от компонента. А теперь бери машину и...

– Ты хорошо себя чувствуешь? – он встает, помогает подняться мне и только тогда отвечает небрежно:

– Нормально. И вообще, Янто... думай больше о себе! Если б ты не остановился здесь, нас бы не нашли, – босс подхватывает с земли мой «глок» и вдруг срывается: – Когда ты поймешь, что со мной ничего не случится, а ты можешь погибнуть?!

Джек швыряет оружие на сидение – прямо через разбитое лобовое стекло.

– Сколько раз я должен воскреснуть на твоих глазах, чтобы до тебя, наконец, дошло?

– А до тебя самого дошло? В полной мере? – я спокойно смотрю на него. – Мне так не кажется, знаешь ли.

Он окатывает меня тяжелым взглядом, потом выдыхает и отворачивается. Я слышу щелчок, с которым Джек меняет обойму, потом он отступает от машины. И мне кажется, босс нарочно встает так, чтобы свет фар не падал на лицо.

– Связи опять нет, – он постукивает пальцем по съехавшему наушнику, – нам нужно быстрее попасть в отель. Бери джип и отгони его... километра на три. Я догоню тебя пешком. Потом придется бросить машину, они могли прицепить к ней «жучок». Будем надеяться, до тех пор, пока мы не найдем способ их остановить, Гроу Бло и их хозяева нас не отыщут.

Джек вытаскивает из кармана те самые шарики и протягивает мне. Они теплые, гладкие... отвратительные. А потом идет к силовой ловушке, разглядывая болтающегося в ней «бочонка» с истинно академическим интересом.

– Может, поступим наоборот? – я с удовольствием всажу в эту тварь обойму. Сколько не убей пришельцев, все равно будет мало! Мне никогда, ни разу не сделалось их жаль. Даже ту «спящую», которую Джек пытал и которую так опекала Гвен. Да, та женщина умерла как человек и ради человечества, но я не мог ей сочувствовать. И Гвен бы не смогла, если бы кто-то из этих мразей, что лезут к нам без спроса только потому, что Земля – отсталая планета, и они думают, будто могут творить здесь свои мерзости, прикончил Рису. Или вынул ему мозг и половину органов, заменив их железками, а Гвен бы месяцами смотрела, как он мучается. Однажды я ляпнул, как их ненавижу, признаюсь, это было глупо. Тош отвернулась – верно, подумала о своей инопланетянке Мэри. Оуэн протянул: «Ну, того «кита» мне было жаль. А тебе разве нет?» Но есть же разница! «Кит» случайно попал в разлом, и тогда зверьми оказались люди... А Джек засунул руки в карманы – он всегда так делает, когда начинает сердиться, – и криво улыбнулся: «Забавно, Янто. Я ведь тоже родился не на Земле и отличаюсь от вас, людей двадцать первого века, как вы сами отличаетесь от жителей Ниневии⁹ в период ее расцвета. Трепещу при мысли о

⁹ Ниневия – с VIII – VII века до н. э. столица Ассирийского государства. Известна как поселение начиная с середины 5-го тыс. до н. э. Находится на территории современного Ирака (город Мосул), на левом берегу реки Тигр.

том, каким испытаниям подвергаются твои принципы, когда мы остаемся наедине». Мы просто сидели в баре на причале и пили пиво, был один из тех редких вечеров, когда не нужно никуда нестись. Я разозлился и на свои необдуманные слова, и на Джека, а больше всего – на то, что чувствовал. Ведь Джек прав – он чужак, он не отсюда, иногда я не понимаю, что делается в его голове! А иногда мы так близки, что хочется спрятать этот миг ото всех и хранить под подушкой. Кажется, тогда Джек меня понял. Отхлебнул свое пиво и хлопнул меня по колену. «Ксенофобия – очень ненадежное оружие. Все время приходится подправлять прицел». Короче, в своих чувствах к пришельцам я так и не разобрался, но твари в силовой ловушке я без колебаний снесу башку, вот точно.

– Нет, я сам справлюсь, – Джек вдруг цепляется за распахнутую дверцу джипа, и я подскакиваю к нему. Подхватываю одной рукой: в другой чертовы шарики. Босс отстраняется и тычет пальцем мне в грудь. – Держи их... ближе к себе. И жди меня.

Я сажусь за руль, оставляя босса возле светящейся синим ловушки, и, отогнав джип подальше, напряженно прислушиваюсь. Мне кажется, я слышу короткую очередь «глока», хотя, разумеется, на таком расстоянии это невозможно. И все равно я с тревогой смотрю под сидение, куда сунул шары. Если нет никакой реакции, значит, компонент не сработал? Джек появляется через сорок минут – медленно бредет по пустынной улице. Квартал будто обезлюдел. Орлеанцы от испуга забились в дома и ждут, пока полиция наведет порядок? Едва ль они сообразительней жителей Кардиффа, которые в таких случаях тут же ударяются в панику. Тем не менее света в окнах почти нет, прохожие исчезли, и я стараюсь не думать, что все они мертвы. Джек плюхается на сидение, и я трогаюсь с места.

– Как думаешь, почему тут так тихо? Будто все вымерли, – мне с трудом удается подавить нервный смешок.

– Может, они все отправились сегодня вечером за Луару развлекаться? – голос у босса совершенно невнятный. – Во всяком случае, зомби не видно.

Мы хорошо понимает друг друга, и мне становится веселее и уютней на темной дороге.

– Сэр, этот гад что-нибудь сказал? – нужно постараться систематизировать все, что нам известно.

– Перед тем как отправиться на тот свет? Интересно, как они представляют себе, хм, загробную жизнь?.. Наверное, в их аду уж больно жарко, раз они так рвались обрести бессмертие, – Джек каким-то замедленным движением поворачивается ко мне. – Он не сказал ничего нового. Кроме: «шарики или жизнь!» Но они их не получают.

– Джек, бессмертие и зомби как-то связаны? Мадам Даво вудуистка и...

– Оу, только не начинай про вуду, – морщится босс, – следи лучше за дорогой. И ответь-ка мне... ты ничего особенного не чувствуешь?

– Особенного? – о чем это он? Просто обычный рабочий день Торчвуда. Точнее, рабочая ночь. – Голова немного болит, и уши закладывает, а так ничего.

– Ясно, – Джек будто прилипает к сидению и молчит всю дорогу. Если эту бесконечную пробку можно назвать дорогой. Улицы забиты, вертолеты все еще в воздухе, и, когда мы наконец попадаем в «Меркьюр», я успеваю обдумать все исходящие. Две

инопланетные организации или два сборища инопланетных авантюристов охотились за секретами Изабеллы Даво. Самым удачливым из них удалось зацапать саму ведьму, а что было в Йоркшире? Кто-то испытывал шарики и превратил в зомби семью Томпсонов? Или «товар» потерялся случайно? Они столкнулись в Далтоне – наши инопланетные друзья – это теперь яснее ясного, раз смерть пришельца творит зомби. Какова же будет задача Торчвуда-3 в Орлеане? Выдворить пришельцев и отловить всех разбежавшихся зомби, и, по возможности, найти Изабеллу? А вот и нет. Будет так, как прикажет Джек. Судя по всему, капитан настроен решительно и по-прежнему темнит.

Когда мы идем через холл отеля на нас пялятся так, будто мы приволокли сюда дюжину Гроу Бло. Что ж, я привык чувствовать себя не как все. И из-за работы в Торчвуде, и из-за связи с мужчиной. Отшвырнуть условности и неизбежное осуждение оказалось так легко – после смерти Лизы. Просто я понял, что ничего хуже со мной уже не случится. Однажды я спросил Джека: как ему показалась земная гомофобия, когда он только попал в Британию? Я ничего не знаю о мире, в котором родился мой босс, но тамошнее отношение к сексу кажется мне правильнее нашего. Пока, разумеется, вседозволенность не касается Джека. Джек только фыркнул и ответил, что вначале ему было не до предрассудков – слишком много усилий отнимало выживание в чужом мире и попытки насолить бывшим работодателям. «В Агентстве Времени нас учили использовать чужие обычаи в свои целях, только и всего. Пойми, Янто, когда на нечто наложен запрет, сразу находится масса охотников его нарушить. На этом можно отлично сыграть. Да и потом запрет на интим со своим полом – не само чудное, что я видел. Однажды попал в историю... На одной довольно развитой планете так увлеклись робототехникой, что связи с живыми людьми у них карались смертью. Конечно же, я этого не знал! А дамочка, с которой я познакомился в баре, не пожелала меня просветить. Так и не понял: то ли она была сумасшедшей по их меркам, то ли ей наскучила жизнь... Но нас арестовали, долго публично стыдили, а потом потащили на казнь. Меня спас только мой телепорт, а леди, хм, отказалась бежать. Должно быть, осознала всю глубину падения – насладиться живым членом вместо пластикового отростка с регулятором скоростей, какой позор!»

В лифте я замечаю, что лицо у Джека совершенно серое, и мне становится не до косых взглядов. Босс вваливается в номер, тяжело прислоняется к стене, почти шепчет:

– Доминга никогда не была дурой.

И сползает на пол, прежде чем я успеваю подхватить его.

Сеть устанавливается только через полчаса после того, как, наскоро протерев Джека влажной губкой, я укладываю его в постель. Эти полчаса наверняка стоили мне очередных седых волос. По городу разгуливают пришельцы, весьма заинтересованные артефактом, лежащим в моем кейсе, на Джека напала непонятная хворь, да еще и менеджер отеля сообщил, что капитана Харкнесса и Янто Джонса уже разыскивали некие типы в штатском. Французская разведка, не иначе. Скоро они явятся вновь, и что им говорить? Потому услышав ленивое мычание Харпера, я рывкаю сходу:

– Оуэн! У нас критическая ситуация, кончай прохлаждаться!

– Чтоб ты провалился, любимчик начальства! – Харпер даже не догадывается, насколько я рад слышать его ворчание. – Я только задремал на двадцать минут!.. Я уже третьи сутки не сплю, ты в курсе?! Мы тут бегаем, как поджаренные индюшки, а ты...

– Индюшки не особо быстро бегают. Тем более, поджаренные. Когда ты в последний раз видел индюшку не на праздничном столе? – Оуэн откровенно зевает, – У нас проблема. Большая проблема.

– Я ее и на праздничном столе давно не видел, я же не американец, – цедит Харпер. – Может, перестанешь орать и пояснишь толком? Кстати, давай вначале Джека, кажется, я кое-что нащупал.

Кратко я поясняю, почему не могу подать ему капитана на блюде – Джек без сознания. Перечисляю симптомы: жар, сбой дыхания и сердечного ритма – это все, что я могу установить, не имея ни знаний, ни приборов. Оуэн молчит, и это пугает.

– А еще я понятия не имею, что делать с толпой пришельцев, – признаюсь я в конце доклада, – и что врать французским властям...

– Детектор Брауна работает? – в голосе Тош сочувствие. – Увеличь диапазон...

Уже сделано, но не слишком помогает. Сигналов инопланетной активности так много, что отследить Гроу Бло нет никакой возможности. Тошико предлагает мне настроить канал для связи с Кардиффом – они обработают все данные. А Гвен – еще раз просмотреть все отчеты слежки, она тоже засядет за них, как только привезет на базу очередного долгоносика.

– Харпер? Ну чего ты молчишь? – боже, как мне хочется, чтобы они трое оказались сейчас здесь! Нам нужно было ехать всем вместе! И едва я успеваю подумать об этом, как Тошико тихо говорит Гвен:

– Думаешь, стоит заказать билеты? – Джек такого не одобрит, но, кажется, мы вдвоем не справляемся. Вот тебе и увеселительная поездка в славный город Орлеан. Я смотрю на сливочно-бежевые стены спальни с ненавистью.

– Оуэн?!

– Спокойно! Я читаю медицинские справочники, господин офисный работник. Даже врачи моего уровня иногда это делают, – еще несколько минут я слышу только щелчки мыши, а потом Оуэн выдает уверенно: – Сам понимаешь, я не могу поставить четкий диагноз на расстоянии, но, скорее всего, это неорганический яд. С инопланетной составляющей. Опиши точнее, что было в этой игле? А пока вколи Джеку тройную дозу универсума.

– Ты уверен? – я оборачиваюсь к постели. Джек лежит на спине и дышит так тяжело, будто вот-вот перестанет.

– Если я в чем-то уверен, так это в универсуме. Я сам его изобрел, и сам положил вам в аптечку. Только не забудь – нужна тройная доза. Помнишь, как было в прошлый раз?

Еще бы мне не помнить! Прошлой весной Тошико и Джек изловили одну тварь, – мы даже сомневались, что похожая на кусок содранного с крыши шифера гадина была

разумной, – а она плюнула в них какой-то пакостью. Тош босс принес на базу на руках – она бредила, а кожу покрывали красные пятна размером с пенни. Такие же пятна обнаружили и на самом капитане, но сознание он отчего-то не потерял. Тогда Джек заставил Оуэна надеть костюм биозащиты, а меня и Гвен вытолкнул наружу, не слушая возражений. Двое суток мы бегали кругами около базы, ежеминутно ожидая сообщения, что Харпер тоже заразился и лекарства нет. Но любая инопланетная хворь для Оуэна была настоящим вызовом – и он его принял. После того, как пятна удалось убрать и больные выздоровели, Харпер рассказал нам, что гормоны Джека – гормоны пятьдесят первого века – стали для него испытанием. «Зато теперь я могу заведовать клиникой в какой-нибудь туманности Ориона – я справился с тем, чего в нашем времени и быть не может!» Анализы показали, что кровь Джека существенно отличается от нашей, потому перепробованные Оуэном лекарства не давали результата. Зато многочисленные тесты помогли нашему доктору добыть компонент для своего универсума – препарата, с которым Харпер носился уже больше года. Избавившийся от пятен Джек лишь ухмылялся, слушая панегирики Оуэна гормонам и биохимии, а потом запретил тому даже думать об обращении к фармакологическим компаниям. «Вы только посмотрите на этого самодовольного хлыща, – кипятился Харпер, – мало того, что бессмертен, так еще и природный уровень тестостерона дает ему массу преимуществ! Агрессия, высокий болевой порог и... Да как ты с ним справляешься, офисный мальчик? Тестостерона в нем столько, что хватит на десяток современных мужчин, а он лишает меня шанса стать миллионером!»

Я уже распечатываю третью ампулу с универсумом, когда Джек зовет меня, и одного взгляда на него хватает, чтобы испугаться – чудо-лекарство не поможет.

– Скажи им... пусть даже не думают сюда нагрянуть, – наушник я с него снял, но босс слишком хорошо нас знает. – Что Оуэн... вытянул из шариков?

– Похоже, пока ничего, о чем стоит докладывать. Он попросил еще время. Сейчас я заново просмотрю все данные на Изабеллу и ее дружков, – я присаживаюсь на край кровати, заставляю Джека вытянуть руку. Хорошо, что Оуэн решил еще что-то проверить. Пусть Джек спит. Справлюсь тут сам. Как-нибудь справлюсь. Провожу тампоном по горячей коже, а Джек вдруг притягивает меня к себе за плечо. Взорванный, с блестящими глазами, пятнами лихорадки на скулах, он так красив, что я вновь задаю себе вопрос: почему он выбрал меня?

– Это универсальное снотворное Харпера? – улыбается босс. Силится приподняться и тут же вновь откидывается на подушку. – Яд... должен раствориться. Разбудишь меня часа через три. Но какая же сука Дом... если «комиссары Мегр» выйдут на нас... пусть звонят в ЮНИТ, полковнику Эрминджу... у нас нет времени с ними разбираться.

Ввожу иглу под кожу, и Джек даже не вздрагивает. Я заталкиваю подальше вопрос о том, что делать, если нас найдут пришельцы. Губы Джека едва шевелятся, и взгляд настолько расфокусированный, что кажется – он смотрит не на меня, скорее, сквозь стены. Убираю шприц, старательно массирую место прокола. Сейчас я что-нибудь придумаю. Обязан придумать. Джек слабо сжимает мое запястье:

– Дурак ты, Дол... нам не нужен экстраполятор волновых процессов... Без зарядки он бесполезен, а где ты тут найдешь источник?... Дол? Какого хрена ты тут делаешь?

На секунду мне делается плохо от внезапной боли. А потом хочется обругать себя последними словами. Я говорю очень спокойно и четко:

– Сэр, здесь нет никакого Дола. Даже не знаю такого.

– Прекрасно знаешь, – зрачки Джека расширены настолько, будто на меня глядят два дула. Он мотает головой, и мне мучительно хочется убрать прилипшие ко лбу пряди. – Янто! Янто, черт... это было глупо с самого начала, чудовищно глупо... я же не знаю условий и как эта пакость будет работать. Я бы сам себя проклял. Янто!

Он, как слепой, пытается ощупать перед собой воздух, и я беру его за руку.

– Нет, – он закрывает глаза, прикладывает мою ладонь к щеке, – я кое-что вспомнил. Откуда телепорт, которым воспользовалась Доминга... Они собирают всех умников в галактике... ужасных умников. Тех, кто может сотворить невозможное. Что они с ними делают? С помощью их открытий? Я не хочу этого знать! Никогда! Но я видел...

Его лицо искажено страхом и отвращением, а мне остается только молча слушать.

– Хотел забыть... тогда появились такие же клубы дыма, и они забрали то, что осталось от ребенка и друзей его папаши.

– Какого ребенка, Джек? – вздыхаю с облегчением, он же явно бредит.

– Которого этот мудак засунул мне в живот, – босс смеется отрывисто. – Янто, ты должен запомнить. Вдруг они уже собрали коллекцию... великих ублюдков. Таких ублюдков, что Мастер лопнул бы от зависти... Доминга творит зомби, а те упыри делали детей мужчинам, и теперь они все собраны в одном месте. А я... ты меня не простишь.

О боже! Пусть он скажет, что бредит или разыгрывает! Такого никто ни с кем не мог делать. Только не с моим Джеком.

– Для чего они их забирают?

Он прижимает мою ладонь к губам, крепко зажмуривается.

– Я не хочу дожить и узнать. Но ведь доживу, будь оно проклято...

Джек засыпает так внезапно, будто его выключили. Все правильно, так и должен действовать универсум. Долгий глубокий сон, и человек проснется здоровым. Во всяком случае, в теории это так. Я поправляю на нем одеяло, потом встаю и запрещаю себе думать о его словах. Все потом – вначале мы их прикончим.

В моем распоряжении только звуковой файл слежки за Изабеллой Даво, и три часа подряд я мотаю запись. Разговоры в ресторане – ведьма почти не оставалась одна; потом она поехала на кладбище; в машине болтала со своим банкиром – одни кодовые словечки; позвонила адвокату... Мадам Даво готовилась к бегству весьма основательно. И лишь на кладбище она замолчала. Тихий шелест листьев под ее ногами, шум ветвей, едва слышные шорохи, и где-то высоко каркает ворона. На третьей промотке я останавливаю запись. Кажется, нашел то, что нужно. Изабелла все-таки задержалась у какой-то могилы или изгороди – я слышу, как она замедлила шаги, потом шурушание листьев вовсе смолкло. И

тихое позвякивание, будто она щелкает пальцем по металлической ограде. Оглянувшись на спящего Джека, я иду в ванную, плотно закрываю за собой дверь. Заставляю Гвен и Тош тоже слушать запись – нет, мне не кажется, Изабелла остановилась у могилы и что-то сделала. Если бы я готовился навсегда покинуть родную планету, чем бы я занялся в последние часы? Конечно, если бы прожил сто лет и хранил такие страшные тайны? Ведьма стояла там очень недолго, вскоре мерное шуршание листьев возобновилось. Я вновь включаю запись, пока Гвен и Тош перетряхивают данные. Все верно, пятнадцать лет ведьма жила с человеком по имени Поль Вожерар, в сорок восемь умершим от цирроза печени. Мсье Вожерар похоронен как раз на этом кладбище, в западной части города. Слишком большая удача? Сейчас проверим.

Уже надев пальто, я говорю девушкам:

– Если не вернусь к рассвету, не слушайте Джека, заказывайте билеты, – и, запрещая себе смотреть на моего капитана, выхожу из номера.

Когда я беру еще один «пежо», менеджер смотрит на меня так, будто явно хочет спросить: куда мы дели предыдущий? Но не спрашивает – срок аренды еще не истек. По дороге на западное кладбище я методично переключаю каналы радиоприемника в машине. О событиях вчерашнего вечера власти говорят весьма уклончиво, есть даже версия атаки террористов, но в Торчвуде не нашли никаких свидетельств нападения зомби на людей. Что ж, уже хорошо. В предрассветных сумерках я, точно кладбищенский вор, перелезаю через низкую ограду. Благо, могилы копать не придется. В свете фонарика место последнего успокоения Поля Вожерара выглядит весьма ухоженным, и в правой стойке ограды я нахожу то, что искал. Изабелла хотела, чтобы нашли, сомнений нет. Металлическая «шашечка» свинчивается очень легко, остается только сунуть палец в углубление. Вот выковырнуть съемный диск уже сложнее, приходится поддевать его острой веточкой. В машине я включаю коммуникатор и, глядя, как тот сканирует флэшку на вирусы, с трудом подавляю желание перекреститься. Файл начинается крупными буквами, написано по-английски, уже проще.

«Мой дорогой капитан Джек! Совершенно не сомневалась, что твои шаловливые ручонки рано или поздно доберутся до могилы Поля. Жизнь длинна, полна сюрпризов, и уж прости бедной женщине желание обеспечить себе покой в случае возвращения. У меня есть два пути: положиться на помощь Торчвуда или отдать себя в руки моих божественных покровителей.

Что ты выберешь, капитан? Вероятно, ты уже выбрал, и, как всегда, неправильный вариант. Увидимся через сто лет или двести! А чтобы ты меня не забыл, я дарю тебе мой секрет. Если ты еще не понял, то знай: виватрон должен находиться в руках того, кому ты хочешь принести бессмертие. Виватрон питается жизненной силой доноров, он забирает ее сразу или поодиночке – не имеет значения. Важно, чтобы доноров было достаточно. Мне, в конце концов, хватило восьмидесяти двух. Вопрос в том, любишь ли ты этого человека настолько сильно, чтобы решиться? С наслаждением предвкушая твои муки,

Вечно твоя Доминга.

P.S. Ты сможешь проверить результат по изменениям состава крови (см. файл №2), но это будет видно и без анализов: кровь станет очень бледной. Цвета подкрашенного розовым молоком».

Дальше идут графики и схемы – Оуэну будет интересно. Но не мне. Мне сейчас не интересно ничего, и озноб медленно распространяется от ступней по всему телу. Это просто бессонница и усталость. Просто... Джек велел мне держать шарики ближе к себе, а сам остался прикончить «бочонка». Джек Харкнесс, без раздумий менявший жизнь одного на жизни многих и отказавший Лизе в праве выжить за счет других. Первый луч солнца, будто кривой палец, уже тычет в могилы, когда я вынимаю из кармана небольшой нож и режу себе ладонь.

Час спустя я распахиваю дверь нашего номера – и солнце уже светит вовсю. Джек в расстегнутой измятой рубашке и трусах стоит рядом с ноутбуком. Точнее, почти лежит на столешнице и явно не попадает по сенсорной панели. Я протягиваю ему ладонь с ярко красным порезом, а потом надавливаю так, чтобы края ранки разошлись.

– У тебя не вышло, – босс смотрит на меня из-под пушистой челки, глаза все еще мутные. Как он вообще смог проснуться? – Джек, моя кровь все еще красная.

– Что? Янто, сейчас не до ребусов, – хорошо наловчился лгать. Еще бы, такая богатая практика! Я сгребаю его за шиворот, притягиваю к себе. Он теплый со сна, и мне так хочется, чтобы все пришельцы сгнули навсегда, оставив нас вдвоем. Джек пытается меня оттолкнуть, но я сую ему под нос экран с письмом Изабеллы и обнимаю его за талию, пока он читает. Его лицо бесстрастно, знакомый взгляд сверху вниз, но больше он меня не обманет. Никогда.

– Янто...

– Ты рад, что не вышло? – я смеюсь, действительно смеюсь от всей души. Мне не нужно бессмертие! Не такой ценой, и, по правде говоря, я никогда толком и не думал о возможности жить бесконечно. – Представь, ты бы оказался вынужден вечность глотать мой кофе и слушать несмешные шутки...

– А что, если я хотел? – мерзкая ведьма была права: для Джека это мучительно. – Черт побери, Янто... у меня не вышло, верно. Но я безумно хотел...

Он утыкается лбом в мое плечо, замирает так. А я глажу его по спине, с удовольствием разминая крепкие мускулы.

– Чудовище. Мое чудовище, – никак не могу перестать хихикать, – а знаешь, ведьма все-таки сделала нам подарок.

– Да? – глухо и сдавленно, будто я его душу.

– Теперь я знаю... Джек, я знаю тебя и...

– Да.

Он молчит еще пару мгновений, и я чувствую, как он нежится под моими прикосновениями. А потом поднимает голову, проводит ладонями по лицу.

– Будем работать? Кстати, о чем я болтал, пока был в отключке?

– О телепорте. И о том, как какой-то тип сделал тебе ребенка, а потом их забрали, – я пожимаю плечами. – Надеюсь, это был бред.

Джек качает головой и улыбается с фирменным сарказмом:

– Нет, не бред. Когда-нибудь мы столкнемся с теми, кто использует дымные телепорты. А ты теперь знаешь обо мне больше всех во Вселенной.

Отчего-то мне понятно, что босс не хочет делиться подробностями, и потому я только ухмыляюсь в ответ:

– И что из этого следует, сэр?

Ответить он не успевает, потому что матовая синева на экране ноута взрывается черным. Несколько секунд мы оба наблюдаем за скачками зигзагов и ромбов на мониторе, а потом Джек включает динамик.

– Они ищут нашу частоту, – у босса даже дыхание меняется, становясь быстрым, возбужденным. Как там говорил Харпер? Адреналин, тестостерон... мне тяжело угнаться за тобой, Джек, но я всегда буду пытаться. – Где мои наушники?

– Джек! Янто! – когда я включаю связь, Тошико почти кричит, что с ней бывает крайне редко. – Они накрыли наш сигнал! Но мы их тоже видим...

– Тош, – перебивает Джек, – я рад, что ты меня не видишь. Кажется, тебе никогда не нравилось белье в полоску. Где Оуэн?

Чернота на мониторе становится сплошной, и золотым зигзагом сеть отмечает пойманную частоту.

– Торчвуд! Мы хотим говорить с Торчвудом, – знакомые мне металлические модуляции. – У нас хватит мощности, чтобы спалить всю эту страну, всю вашу планету. Отдайте нам виватрон, и мы уйдем! Повторяю...

– Джек! – это Харпер. Босс машет мне рукой, и я убавляю звук в динамике. Пусть пока орет, мы заняты. – Слушай внимательно! Долго объяснять, как я догадался, и можешь сразу меня уволить, потому что пришлось залезть в архив, и даже в морг. Наши шарики работают и в обратном направлении, только компонент запуска другой. Понимаешь? Чтобы в ходячих мертвецов обратились наши гости, нужно убить человека. Думаю, шарики должны находиться как можно ближе к объекту и...

– Я знаю, – Джек пытается подхватить брюки одной рукой и падает на постель. Все-таки он еще слаб, – нужно, чтобы они держали их в руках. Оуэн, ты гений.

– Ловлю на слове, капитан. Ты должен мне неделю выходных, – Харпер довольно хмыкает. – Вы сможете повернуть такое? А кандидата в покойники уже нашли?

Джеку все-таки удастся натянуть штаны, и я торопливо поправляю на нем подтяжки. И стараюсь уверить себя – ничего страшного не случится, просто очередная смерть. Но для Джека это не «просто», и мне тоже никогда не смириться.

– Ну, искать долго не придется, – Джек шарит рукой под кроватью, достает виватрон, взвешивая шары в ладони, – мы отдадим им то, что они так жаждут. За бессмертие приходится дорого платить, мальчики...

Он поднимает шары выше и смотрит мне прямо в глаза. Черт побери, я благодарен ему за этот немой вопрос, хотя знаю, что он уже решил – давно, раз и навсегда. Джек Харкнесс призван спасти землян от инопланетной агрессии, даже если он никогда не думает настолько высокопарно. И я протягиваю ему шинель.

– Даже не сомневайся, Джек.

Янто довозит меня до заброшенного стадиона в шести километрах от Орлеана. В чистом утреннем свете все эти придорожные изгороди кажутся такими мирными и уютными, но для меня они сливаются в сплошную желто-зеленую линию. Все еще мутит, и сердце куда-то проваливается. Доминга – сущая гарпия, вот только она меня знает: если наша колдунья объявится на Земле, я помогу ей. Уж хотя бы затем, чтобы иметь под рукой, когда захочется пристрелить. Ну и выпытать все, что она знает об обладателях дымного телепорта... Теперь этот след потерян надолго, и мне бы так хотелось, чтобы навсегда! Пытаясь избавиться от дурноты, закрываю лицо ладонями, и Янто тут же поворачивается ко мне.

– Сейчас все пройдет, не смотри так.

– Да уж, – Янто фыркает со злостью камышового кота, – ты единственный человек, который претворяет анекдоты в реальность и лечит головную боль пулей в лоб.

Янто бледен от бессонницы и, стараясь сосредоточиться на дороге, так сводит брови, что мне за его голову страшно. Поняв, что я хочу сделать, Янто начал спорить, он всегда спорит... он любит меня. Я бы поклялся чем угодно, что не хотел такого. Два года назад я просто пожелал заняться сексом с привлекательным новичком, – и все еще хочу именно этого. Чтобы мы могли заняться сексом в любое время, и в ближайшие сто лет. Проснуться рядом с ним, пить кофе в постели, смотреть хорошие фильмы, болтая всякий вздор. Стащить с Янто покрывала и щекотать до истошных визгов, а потом укутать, обнять, навалиться сверху и целовать, пока в глазах не потемнеет. Поставить его под душ, медленно намылить ему спину и ягодицы и слегка хлопнуть ладонью по скользкой коже. Завести с ним долгий философский спор, разбивая в пух и прах все аргументы, а в конце сдаться, только чтоб он улыбнулся. Я хотел растянуть наше «здесь и сейчас» на века, но ничего не вышло, и остается лишь цепляться за каждый миг с упорством сумасшедшего. Я так хорошо это умею. Тот тип, которого Янто прозвал «бочонком», просто не знал, что попал в плен к человеку, содравшему себе кожу на ладонях в попытках зацепиться за тоненькую нить настоящего. Шарики у Янто, если убить пришельца, я получу свои сто лет без клавиши «удалить» – это так много! А жители окрестных домов вылезут из дверей с диким воем... На долю секунды мне стало все равно. И я не буду придумывать себе красивых оправданий. «Бочонок» и попытался выбраться из ловушки, а я смотрел, как он удирает. Пять метров – жизнь или смерть. Разделенная бесконечность или новая игра с финалом всех предыдущих. Десять метров – беги, придурок, беги скорее, пока Джек Харкнесс не забыл, кто он такой. Пятнадцать метров – и Лайонел целует меня на причале, ветер рвет с него фуражку, жена подает мне теплый сверток, нашу Элис, что теперь выглядит старше меня самого и зовет отцом так, что лучше бы плюнула в морду. И Алекс подносит пистолет к виску: «Прости, Джек, я ничего не могу для тебя сделать». Прости, Джек, ты останешься один! Они все умрут, погаснут звезды, а ты будешь сидеть на каком-нибудь гребанном шаре из грунта и камня и вспоминать все концы света, какие

пережил, все сыгранные партии с краплеными картами в рукаве. Двадцать метров – и Янто держит виватрон в руках, а значит, я стреляю.

– Ну, я не собираюсь пускать себе пулю в лоб. Это не гигиенично, и потом, тогда я умру сразу, и мы не будем знать, получилось ли заплатить любителям зомби их же монетой, – никто не переживает о сбежавшем молоке, и я тоже не стану. Янто счел меня чудовищем, что ж, я сам не далек от такой мысли. – Не беспокойся, у меня есть опыт. Будет эдакая мелодрама: Торчвуд проигрывает, но не сдается. Они поверят, а я увижу, что с ними станет.

Янто шипит что-то и отворачивается, он знает: другого выхода нет. Гроу Бло и их бочкообразные хозяева купились на быстрое согласие отдать им шарики в обмен на безопасность Орлеана. О, я очень старался, изображая вначале типично человеческий гонор, а после страх. Мы останавливаемся возле высокого бетонного забора, и я отстегиваю ремень, распахиваю дверцу. Ловлю напряженный темный взгляд.

– Скажи-ка мне, Янто... тот факт, что твой босс едва не пошел на должностное преступление, не помешает нам хорошо провести оставшийся день во Франции? – мне хочется сказать: Янто, жизнь так коротка, не усложняй ее себе! Но он не слушает, потому что и в самом деле – коротка, и ему, в отличие от меня, не нужно прилагать усилия, чтобы не свалиться с шаткого мостика реальности. Здесь и сейчас Янто Джонс провожает меня в лапы к монстрам.

– Сэр, я могу поменять билеты на более поздний срок, – он чопорно поджимает губы. Отлично! Не думай о чудовищах, об упущенном шансе, единственном за всю жизнь. Единственном и невозможном. – Сделать это?

– Да! – я выбираюсь из машины, хлопаю себя по бедру. Они не станут опасаться жалкого человечка с пистолетом. – Ну, я пошел.

Янто ничего не успевает сказать, а я аккуратно закрываю дверцу и бреду по высокой траве. Никаких резких движений. Никакой нервозности. Скорбная мина – вдруг они умеют распознавать эмоции? Торчвуд пришел сдаваться. Они ждут у крутого трапа: трое «бочонков» – серебром блестят кольчатые скафандры; и морды Гроу Бло светятся в проеме наверху. Здоровая у них посудина! Класс «Солар», подкласс... вот черт, забыл! Я встаю на колени, протягиваю в раскрытых ладонях шары. Они настолько уверены в ничтожестве человеческой расы, что не обыскивают меня, не принимают никаких мер предосторожности, разве что поставили на трапе не слишком мощный силовой экран – еще бы, ничтожество приползло и сдалось! Но я не собираюсь стрелять в вас, господа незваные гости. Один из «бочонков» машет рукой, приказывая Гроу Бло забрать у меня шары, и «слизняк» с текучей грацией двигается ко мне. Даже трава не мнется, вот это шик! Я отдаю ему шарики, а на дальнейший спектакль меня уже не хватает. И потому я просто молча смотрю, как они один за другим исчезают в проеме над трапом. И вот тяжелая машина начинает втягиваться внутрь... Все же подкласс «мурийский циклоп», точно. Когда угол наклона достигает тридцати градусов, я выхватываю свой «глок». Подношу ствол к груди. Отдача швыряет меня на землю, боль парализует тело, но я почти не чувствую ее. Гроу Бло вдруг отшвыривает шарики от себя, нелепо подпрыгивает на месте... Поздно, сволочь, поздно! Ревут двигатели, гнется примятая пламенем трава, и последнее, что я вижу – длинная рука в кольчатой броне, царапающая обшивку корпуса.

Остаток дня мы провели в беседах с французской полицией и теми «типами в штатском», оказавшимися приятными ребятами. Они угрожали нам только первые полчаса, а потом им пришлось смириться с тем, что правительство Британии никак не возместит Орлеану ущерб и претензии придется предъявлять Господу Богу. Янто сетовал на невозможность напоить их всех ретконом, но столько препарата не наберется даже на базе в Кардиффе. Тысячи французов видели висящий над городом корабль, сотни лицезрели гонку полиции за зомби. Я прямо заявил ребятам из разведки: они должны радоваться, что их доля зачистки не так велика, и посоветовал устроить якобы случайный взрыв в той больнице, куда они поместили ходячих мертвецов. Это будет милосердием по отношению к родственникам зомби. Тут один из агентов начал кричать что-то о бездушии, а второй, все время беседы не отрывавший глаз от кровавого пятна на моей рубашке, молча потянул товарища за рукав. Проводив их, я вернулся в номер и застал Янто спящим на стуле. Он ни в какую не хотел ложиться, и потому пришлось стягивать с него пиджак и брюки и тащить к кровати волоком. А еще я пригрозил напоить ретконом его самого, если он сейчас же не заснет. Потом я отключил аппаратуру, задернул шторы и завалился на соседнюю постель. Психологи советуют думать перед сном о чем-нибудь приятном. После долгих поисков «приятного», я вспоминаю, что Янто уже отправил мою шинель в чистку и завтра она будет как новенькая. Ну что ж, это уже много.

Мне снилось, будто я лежу в пылающем круге, а земля постепенно оседает подо мной, и что-то голодное и жадное протягивает лапы, стараясь выбраться из провала. Вокруг ни единой живой души, пустота никогда не насытится, и, значит, она сожрет меня. А потом выплюнет и снова сожрет...

– Джек, проснись! – за окном плотная темнота, Янто в одних черных боксерах сидит рядом. В мягком свете ночника на его теле виден каждый светлый волосок. Я вжимаю лицо в подушку – спать хочется ужасно.

– Что, уже пора ехать? – он чуть слышно вздыхает.

– Ты же приказал перенести отъезд на послезавтра. Забыл? – черт! Действительно, я же помнил нечто очень хорошее! Дырявая у меня голова. Ну да, в самом прямом смысле: в ней столько дырок понаделано. – А еще ты обещал показать мне город и угостить шедеврами местной кухни. Тоже забыл?

– Креольской? – бормочу я, прикидывая, куда можно пойти. Этот прием мне хорошо знаком: испортить блюдо, а потом залить его соусом поострее, тогда можно глотать. Почему компонент Доминги не сработал? Я застрелил «бочонка», но требовалось – «слизняк» Гроу Бло? В окрестных домах оказалось слишком мало людей? Ну все, хватит жевать одно и то же! Янто рядом, но удайся моя затея, и, возможно, я сейчас возился б с его истерикой, а то и... кто знает, к чему привела бы валлийская принципиальность?

– Знаешь, что-то я не хочу ничего креольского... Джек, мы будем искать Изабеллу Даво и тех, кто ее забрал? – я заставляю себя повернуться на спину и посмотреть на него.

– Как ты себе это представляешь, Янто? Владельцы дымного телепорта покинули Землю, их деятельность больше не угрожает Британской Короне. Торчвуду здесь делать

нечего, — к тому же, мы ничего и не можем сделать. В галактике миллиарды ублюдков, остается надеяться, что собиратели коллекции забудут про маленькую голубую планету.

— Но ты говорил...

— Забудь, что я говорил! — вот так всегда: проболтаешься, а после хочется прибить себе язык гвоздями. Интересно, в этом номере найдется глоток виски?

— Отлично, — он встает и делает шаг к своей кровати, и у меня начинается резать глаза, — как скажете, сэр.

— Эй, ты куда собрался? — хватаю его за руку, заставляя лечь. Он тут же поворачивается ко мне спиной, но я обнимаю его за плечи, придвигаюсь ближе. — Янто, мы... мы можем все это отложить?

Он только кивает и молчит. Надо же было проболтаться о том уроде! Это случилось так давно. Веселая ночь в единственном питейном заведении на той планетке закончилась тем, что я очнулся прикованным к длинному столу, а в животе у меня сидело нечто. Сам виноват, но, по правде говоря, тот тип не показался мне опасным... он не особенно походил на человека, тогда в сексе с негуманоидами была прелесть новизны. Тип распластался на мне, гибкие руки шарили по телу, довольно приятно... Но вот насчет вынашивания его ребенка мы не договаривались! Тем более, папаша маленького монстра накачал меня какой-то гадостью, разрезал мне живот, а потом торжествующе пояснял, что репродуктивный цикл его расы позволяет ему зачать раз в десять стандартных лет. Конечно, больше подошла бы любая самка, но на этой планете старателей и разведчиков женских особей как раз нет. А меня никто не станет искать после того, как плод созреет и выберется наружу. То есть, не будет искать мой труп. До сих пор помню, как тогда взбесился. Открыть зажимы помогло снаряжение агента Времени, но какого труда стоило повернуться так, чтобы нажать нужную кнопку на браслете! Поворачайся-ка с огромным животом! Тип явно не ожидал от меня такой прыти, потому что, когда я резал его глотку хирургическим инструментом, морда у мудака была порядком удивленная. Основной ужас начался после. Видимо, плод как-то зависел от жизни папаши, а когда тот испустил последний вздох, монстрик запросился на свет. Я бы умер в луже собственной крови, если б не друзья покойного, вознамерившиеся меня добить. Вероятно, они хотели устроить неспешную казнь со всеми удобствами, потому зашили мне живот. Я материл их на всех известных мне языках, безуспешно пытаюсь вырваться, — и тут ангар заполнился дымом. Очнулся я в одиночестве. Ни трупа папаши, ни монстрика, ни шустрых дружков. Через сутки меня отыскал Дол — Джон Харт, мать его! — по сигналу браслета. Он привел мои кишки в первоначальный вид, после чего залепил мне затрещину. И еще очень долго потом изощрялся на тему беременных мужчин. Мужчин, которые не умеют выбирать себе партнеров на ночь. Можно подумать, сам Джон поступал иначе! Мы славно подрались, когда я окончательно очухался... Янто совершенно не требуется знать все это. Я придвигаюсь ближе к нему, прихватываю губами кожу за ухом.

— Джек, я хочу спать. Не мог бы ты...

Я мотаю головой. Нет, не мог бы. Его близость — не просто тепло и покой. Вдыхаю запах лосьона после бритья, новой бумаги, только что из упаковки, и отчего-то корицы — запах Янто. Это так, будто невидимый капкан отпустил меня на свободу. Янто поворачивается со вздохом, обнимает меня. Ощущение острого, почти неправдоподобного счастья мешает говорить, но я все-таки шепчу:

– Вот теперь можешь спать.

Просыпаюсь я уже после полудня. Ворчание Янто над моим гардеробом – определенно самый лучший допинг. Из трех взятых с собой рубашек две можно сразу выбросить, а последняя уже дожидается меня на спинке стула, расправленная поверх шинели. Закончив с вещами, Янто грустно смотрит на разложенные повсюду рекламные проспекты. «Ты заметил, какой у нас хороший номер, Джек? Не хочется отсюда выбираться, но мы даже собора Сент-Круа не видели, и еще, вот гляди, внизу есть джакузи...» М-да, экскурсии и увеселительные поездки – это не для Торчвуда. Сыну Гуго Капета и Девственнице нас не дожидаться, но жгучие, непристойные яства мой валлиец отведаст. Янто захватывает душ первым, но, послонявшись по номеру минут пять, я распахиваю дверь ванной – просто не могу оставаться один. Он стоит в струях воды, такой мокрый и голый, что грех не присоединиться. Янто тихонько ахает, когда я обнимаю его за талию и разворачиваю к себе. Глажу его колени, потом просовываю ладонь между бедер, заставляя раздвинуть ноги. Он опирается спиной на кафельную стену, подставляя мне пах... по губам течет вода, когда я беру у него в рот, наблюдая из-под ресниц за выражением его лица. Он шарит горячим, заполошным взглядом по мне, становясь настолько соблазнительным, что я не променяю его на всех сотрудников кардиффской эскорт-службы, а среди них есть парни с внешностью богов. Не нужны мне боги, мне нужен Янто Джонс. Набухшая головка яростно тычется мне в небо, и я обнимаю ее губами, взвешивая в ладони тяжелую мошонку. Янто держится за стену обеими руками, но стоит мне перехватить член у основания и начать двигать сжатым кулаком, как он вцепляется мне в плечи. Его лицо преобразается в миг – никто, видя его, ни за что б не подумал об обязанностях администратора и безупречных костюмах! Как жаль, что у меня всего один рот и нельзя сейчас прихватить верхнюю выпяченную губу своими, сунуть язык поглубже и ловить этот чувственный трепет... Телефон, оставленный на раковине, звонит чертовски не вовремя! Так и есть, это «типы в штатском» с какими-то дурацкими вопросами. Я ничего больше не желаю слышать о зомби и проблемах города Орлеана! Строго говоря, мы и вмешиваться-то не были обязаны, о чем я им и сообщаю. Довольно невнятный вышел разговор, надо признаться, – попробуй поговори с секретной службой, еще ощущая во рту гладкость и теплоту члена.

Да еще когда Янто на моих глазах завершает мытье дрожащими руками, поминутно роняя то мыло, то мочалку. Он выбирается из душа с комично обиженным видом и торчащим вперед «орудием». «Это что, сэр, вместо джакузи?» Ну и как тут остается поступить? С хохотом я набрасываю полотенце на сочащийся возбуждением «крючок». Секундомера нет, жаль, а то бы проследить, сколько провисит! Янто коварно улыбается краем рта и в один миг разворачивает меня спиной к себе, так резко, что я едва успеваю уцепиться за раковину. В ванной полно того, что можно использовать как смазку, и Янто щедро выдавливает на ладонь содержимое какого-то тюбика. О, кажется, сейчас я получу досыта! Он грубо надавливает мне на поясницу, кусает в плечо... так-так, страшная месть! Все администраторы мечтают отыметь начальников сзади! Но только у Янто Джонса есть такая возможность. Ну да, в самолете мы развлекались выпытыванием сексуальных фантазий друг друга, и я сболтнул, что хочу секса без подготовки, «как если бы кто-нибудь неожиданно набросился на меня из темноты». Янто и набрасывается – размазывает по моей промежности смазку и вставляет огромную, будто бы гудящую возбуждением головку, и я прикусываю собственную ладонь. «Сэр, вам удобно?» Паршивец! Он всовывает буквально по миллиметру, не давая мне двигаться, а во мне все дрожит от голодных спазмов. Наконец я чувствую его пах голой задницей, трюсь о короткие волосы, и он кладет руку на мой член. Жестко толкается дальше, так, что я рычу от восторга, ощущая себя заполненным. И тут Янто ломает игру в насилие, он не может иначе, я знаю... быстро гладит мои бедра, покаянно целует спину, ловит губами

волосы на затылке... шепчет отрывисто: «Джек, расслабься!» Да я и так на ногах не стою, в теле будто ни единой мышцы нет. Но он продолжает уговаривать меня и ласкать, и я висну на раковине, разводя бедра шире, а Янто двигается во мне – теперь томительно медленно. Потом мы смываем сперму под душем, целуемся и смеемся. И когда мы выходим в холл, на нас опять все пялятся, и я знаю отчего – безумные физиономии, распухшие губы хорошо потрахавшихся и счастливых людей выдают нас с головой.

Пьяное бесшабашное счастье бурлит во мне, точно мне двадцать лет и я наивный щенок, ожидающий за каждым поворотом только прибыли, удачи и любви. Не за что проклинать судьбу, она подарила куда больше, чем я заслужил. Этот осенний день на террасе «Ля Дариоль» под старинной тяжелой балкой, увитой бронзовым виноградом. Вечернее солнце золотит крыши, Янто повязывает белоснежную салфетку, миглом обретая привычное достоинство, несмотря на засосы над воротником сорочки, и я вновь начинаю мечтать, как сдеру с него маску. «Джек, – шипит мой персональный надсмотрщик, – не ерзай так откровенно, это заметно!» А я не могу не ерзать – приятная расслабленность между ног заставляет желать продолжения. Прямо хоть в туалет Янто затащить... но вначале насмотреться, как он будет глотать орлеанские специи. «Пусть завидуют!» – бросаю я, придвигая к себе меню. Янто смотрит на меня так, будто я выбираю не еду, а оружие. Правильно боится! Но приносят наш заказ, и поражаться приходится мне. Янто уплетает все эти устрицы с острейшими соусами, раков в горящем коньяке и судака в кокосе за обе щеки. Ну, скажем, сморчки с пряностями и сливками выглядят просто непристойно, но его и это не смущает. «Почему ты раньше не рассказывал мне о французской кухне, Джек? Я-то думал, они едят одних лягушек! Вернемся домой и первым делом пойдем в тот французский ресторанчик у залива. Помнишь его?» Я киваю, начиная вслух вспоминать, как добраться до... кажется, заведение называется «Эпикуреец»... Янто расспрашивает о том, чем еще французы могут поразить воображение неискушенного гурмана, и мы оба знаем, что ни в какой ресторан не пойдем. Еще утром Тошико прислала файл о текущем деле, и через пару суток после возвращения в Кардифф мы будем на бегу хватать куски пиццы, запивая их крепчайшим кофе. И все же я даю себе слово, что обязательно свожу Янто в тот ресторан. Он снимает салфетку, лезет за чем-то во внутренний карман и вдруг наклоняется ко мне. Протягивает руку и разжимает кулак рядом с моей тарелкой. Мелодичный звон – и на приборы падают два сцепленных вместе ключа. Я поднимаю глаза, и Янто сдержанно улыбается: «Можно заказать французскую еду домой... заказывают же китайскую. Если ты освободишься раньше меня, придешь и закажешь, ты же разбираешься в этих жутких блюдах». Я сжимаю ключи в ладони и не могу сказать ни слова. Он дарит мне себя, свой дом, свою жизнь и молодость, но чем мне ответить? Я просто подношу сжатый кулак к губам. И прошу Янто взять счет.

Уже оплачен номер и два арендованных джипа, упакован детектор Брауна, и ноутбук сиротливо притулился на чистом столе. Какое там джакузи, мы, вероятно, даже поспать не успеем – наш рейс в семь утра, а еще предстоит путь до Парижа. Автобан, сорок евро и поцелуй украдкой на заднем сидении. Янто аккуратно вешает пиджак в шкаф и смотрит в упор.

– Ты пытался сделать это ради меня. Будем считать, что твоей вины нет, я сам отказался, – он с трудом сглатывает, – я не готов принимать такие подарки, и никогда не буду готов. О вине перед человечеством лучше не думать, так ведь? Мы сделали то, что были должны, только и всего. Вот что я хотел сказать, Джек. А теперь, быть может, ты вспомнишь о других, гм, моих потребностях?

Янто многозначительно похлопывает себя по бедру и краснеет. Ну да, давно мы не менялись, пожалуй, ни разу с моего возвращения. Джек Харкнесс – эгоист, верно. Привлекаю его к себе, провожу ладонью по волосам. Неуместно и гадко, но отчего-то я вспоминаю, как заламывал ему руку за спину и тыкал пистолетом в висок, а он поносил меня последними словами. Вот к чему мы пришли, Янто, это был долгий путь. Я раздеваю его, укладываю на постель и любуюсь игрой света на гладкой коже.

– Надо было попросить, – сбрасываю рубашку и штаны, а он ждет, глядя доверчиво и терпеливо.

– Хотел, чтобы ты сам...

– Вот так? – я привстаю на коленях и протягиваю к нему руки. – Стань моим, Янто! Подари мне свою восхитительную задницу!

– Ну, примерно так, – он смущенно отворачивается и сгибает ноги, давая мне доступ. Но я начинаю с сосков и живота. У него чертовски красивый живот, и я объясняю эту сложную мысль своими губами. И все еще ласкаю выпуклые мускулы ладонями, когда беру Янто. Он ойкает и дрожит в самом начале – да уж, отвык! – а потом сжимает ногами мою талию, и мне вновь хочется иметь другую анатомию. Все-таки природа что-то не додумала! Но как бы ни хотелось одновременно целовать его, взять у него в рот – вот эту подрагивающую влажную головку, все потом. Кончит он подо мной, чтобы запомнил. Я сильнее сгибаю его колени, двигаюсь легко и неглубоко, Янто сам убыстряет ритм и вот начинает сжиматься и расслабляться в такт, там, внутри. У него действительно восхитительная задница, чертовски узкая к тому же, и перед глазами все плывет, когда Янто с силой толкается ко мне. Он кусает губы, пятна на скулах становятся ярче, при каждом движении его мускулы сокращаются, будто волны прокатываются по телу... Я хочу остаться тут навсегда, в этом мгновении, и это не метафора! Но у меня даже фотоаппарата нет. Как же я хочу хотя бы запомнить... Он выплескивается в мою ладонь с протяжным стоном и держит, не отпускает. И ловит мой взгляд.

Отводя глаза, я ласково расцепляю хватку. Наспех обтерев себя, кидаюсь в ванную, по пути хватая наушники. Вот же сука! Ты жуткая сука, капитан Джек, и гореть тебе в аду.

– Оуэн, – удалось скрыть от Янто, удастся и от Харпера, он же меня не видит. Но слезы текут и текут, срань господня! – Оуэн! Ну-ка, отзовись!

– Ты мне обещал выходной! – кажется, я разбудил нашего доктора, и теперь тот чертовски недоволен. – Что еще стряслось?

– Ничего, – я вытираю лицо ладонью. Янто дал мне ключи от своего дома. Когда-нибудь останутся только эти ключи, и я ни хрена не могу тут изменить. – Что ты сделал с шариками? Ну, с виватроном?

– Собирался уничтожить, – зевает Харпер, – какой от них теперь толк? Твоя колдунья сделала ручкой, а я не настолько гениален, чтобы разгадать секрет...

– Положи их в архив, – я быстро прикидываю, как можно утаить такую важную улику. Лучше всего – списать на порчу при следственных экспериментах. – Пусть пока полежат. Вдруг эти твари вернутся, и виватрон еще понадобится? Или мы все же пойдем, как можно использовать их, не плодя мертвецов? Словом, спрячь, я разберусь.

Может быть, я найду Домингу прежде, чем «здесь и сейчас» превратится в равнодушную бесконечность? Прежде, чем мне станет все равно.